

СОРА НАУМОВА

МАРИЯ ДУБИНИНА

ДЗЮСДН

АКАДЕМИЯ-ФАНТОМ

NoSugar. Дзюсан

Мария Дубинина

Дзюсан. Академия-фантом

«Издательство АСТ»

2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Дубинина М.

Дзюсан. Академия-фантом / М. Дубинина — «Издательство АСТ», 2024 — (NoSugar. Дзюсан)

ISBN 978-5-17-160707-4

Расследование пропажи сестры приводит бывшего детектива Генри Макалистера на одинокий остров в Японском море, в Дзюсан – элитную Академию для особенных подростков. Здесь оживают вековые тайны, бесследно исчезают люди, а призраки бродят по коридорам старинного особняка. Но Генри еще не подозревает, что угодил в паутину, выбраться из которой сложно не только живым, но и мертвым...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-160707-4

© Дубинина М., 2024
© Издательство АСТ, 2024

Содержание

Список действующих лиц[1]	6
История первая,	7
История вторая,	21
История третья,	34
История четвертая,	47
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Сора Наумова, Мария Дубинина

Дзюсан. Академия-фантом: NoSugar Books

© Наумова С., Дубинина М., 2024

© Eisenleber, иллюстрации, 2024

© Lososandra, иллюстрации, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Список действующих лиц¹

Генри Макалистер (шотландец) – комендант муж. общежития / бывший полицейский
Кимура Сората (японец) – шеф-повар
Асикага Руми (японка) – учительница литературы
Акихико Дайске (японец) – заместитель директора
Сакураи Кики (японка) – медсестра
Хенрик Ларсен (датчанин) – учитель химии
Нильс Йохансон (швед) – садовник
Алеш Новак (чех) – психолог

Студенты

Ода Николь (японка)
Юлия Шульц (немка)
Курихара Хибики (японец)
Сэм Чандлер (австралиец)
Хонда Минако (японка)
Томура Акеми (японка)

Прочие персонажи

Филлис – сестра Генри Макалистера
фрау Мейер – комендант женского общежития
Даррел Дикрайн – ученый

Призраки

Макота Юми
Накамура Хироши
Мика
Смотритель маяка

¹ Для японских имен действует следующий порядок: сначала фамилия, потом имя.

История первая, в которой Академия принимает нового гостя

*Не из обычных людей
Тот, которого манит
Дерево без цветов.*
Камидзима Оницура

*«Людям свойственно воображать, и умелый кукловод способен
любую выдумку обернуть себе на пользу. Однако, поступая так, стоит
лишний раз убедиться, что сказка – это только сказка, иначе сам
рискуешь стать всего лишь ее персонажем»*
Акихико Дайске, мемуары

Ворота академии «Дзюсан» с легким механическим шорохом закрылись за спиной последнего прибывшего – молодого рыжего британца. Багаж его был на удивление скромен и уместился в одном чемодане на колесиках и спортивном рюкзаке. Мужчина сложил ладони козырьком и, прищурившись, оглядел уходящую из-под ног широкую гравийную дорожку, что вела сквозь классический английский парк до самого входа в академию. Решительно взявшись за ручку чемодана, он зашагал дальше.

День шел на убыль, и закатные лучи золотили воду в фонтане перед помпезным портиком с рядом мраморных колонн и пятью широкими ступенями. Мужчина остановился и нерешительно покосился на закрытые двери. Он ожидал, что его встретят, однако у входа никого не было.

– Вы меня не заставите! – раздался над головой пронзительный вопль, и следом за ним оконная рама на втором этаже распахнулась, и оттуда по широкой дуге вылетел цветочный горшок. – Только через мой труп! Вот!

Из окна свесилась симпатичная японка с лицом, преисполненным явного намерения отправиться следом за несчастным горшком. Заметив невольного свидетеля, она передумала и, упершись в подоконник грудью, с интересом уставилась на гостя:

– А ты еще кто такой?

Говорила она четко и ясно, что существенно упрощало понимание чужого языка. Мужчина неловко махнул в воздухе свободной рукой и произнес заранее заготовленную фразу:

– Генри Макалистер, к вашим услугам.

– А, новый комендант, – поскучнела незнакомка и скрылась внутри. Генри не успел удивиться, как двери сами собой распахнулись, приглашая войти. Если издалека академия казалась вполне обычным учебным заведением, то теперь стало ясно, что он определенно попал куда нужно.

О японской академии «Дзюсан» ходили самые противоречивые слухи: одни хвалили ее за стремление помочь особенным детям приспособиться к жизни, другие обвиняли в мошенничестве, а третьи – и их было немало – с полной серьезностью уверяли, будто в стенах особняка на маленьком закрытом острове водится нечистая сила. Оказавшись в просторном, но несколько мрачноватом холле, Генри Макалистер смог лично убедиться, что оснований для последнего было предостаточно. Цепкий взгляд бывшего полицейского мгновенно отметил все мельчайшие детали обстановки, однако же впечатление оказалось столь сильно, что оттеснило профессиональные навыки на второй план.

– Есть кто? – позвал Генри, убедившись, что встречающие к нему не спешили. Гулкое мощное эхо отразилось от высокого потолка и вернулось к говорящему искаженным до незна-

ваемости голосом, который легко можно было приписать существу потустороннему, но никак не человеку. Поежившись, точно от порыва холодного ветра, Макалистер ступил на широкую парадную лестницу, и мягкая ковровая дорожка погасила звук шагов. Подобное отношение к приглашенному на работу новому сотруднику смутило, но и только.

Ожидая от «Дзюсан» чего угодно, он решил относиться к этому философски.

Очень скоро Генри пришел к неутешительному выводу, что без плана здания или чьей-либо помощи он рисковал сам превратиться в привидение и до скончания веков искать кабинет замдиректора. Пустые коридоры навевали тревогу, а рожки ламп на стенах будто назло светили еле-еле и изредка издевательски подмигивали. Когда Генри уперся в очередной тупик, дверь аудитории под номером четыре бесшумно приоткрылась, и оттуда показалась любопытная головка ученицы с двумя забавными хвостиками.

– Слава Богу, я хоть кого-то встретил! – обрадовался Генри. – Юная леди, не подскажите, как мне найти мистера Акихико?

– Акихико? Вы имеете в виду заместителя директора, Акихико-сэнсэя? – неуверенно повторила ученица и, опустив взгляд, ни с того ни с сего залилась румянцем. – Вы новый комендант мужского общежития? Девочки про вас только и болтают!

– Про меня? – удивился Генри. – Не может этого быть.

– Говорят, что вы англичанин из Лондона и умеете варить настоящую овсянку, – весело зашебетала девочка, но в коридор так и не вышла, по-прежнему выглядывая из-за двери. – Вот бы и нам такого коменданта! А привидения? Привидений вы видели? Я слышала, в Англии их полным-полно.

Макалистер понял не все, но от души рассмеялся.

– Конечно, нет! Их же не существует, – не моргнув глазом, солгал он. – И я на самом деле не англичанин, а шотландец. Эй, а как тебя зовут?

Вопрос повис в воздухе. Дверь чуть поскрипывала от сквозняка, но за ней никого не было.

Генри вошел в кабинет. Обычная учебная аудитория – три ряда столов, на возвышении кафедры преподавателя, свет из приоткрытого окна бросал солнечные зайчики на чистую доску.

Людей в помещении не было.

– Жаль, мы могли бы подружиться, – негромко произнес Генри и, подходя к двери, услышал в шорохе дрожащих занавесок тихое: «Юми...». Улыбнувшись, он вернулся в коридор.

– Не меня ли ищете, мистер Макалистер?

Генри вздрогнул, застигнутый врасплох негромким проникновенным голосом, говорящим по-английски правильно, но с японским акцентом, скорее скрашивающим приятный глубокий тембр, чем портящим его.

– Если вы мистер Акихико, то да, – Генри с недоверием окинул взглядом субтильную фигуру заместителя директора – черноволосого японца, на вид совсем юного, точно сошедшего со страниц глянцевого журнала, которые читали школьницы в токийском метро. К тому же неестественный цвет глаз – лиловый – навевал мысль о линзах. Определенно, заместитель директора в представлении Генри выглядел совершенно иначе.

Юноша в свою очередь тоже внимательно его изучил.

– Далеко же вы забрались. – Акихико, если это действительно был он, прикоснулся к своему запястью, будто бы машинально поправляя манжет тщательно отглаженной рубашки. – Вы разве не видели план здания? Мой кабинет находится на первом этаже, как и ваша комната. Счастливая случайность, что мы встретились здесь.

– Прошу меня простить, – вежливо склонил голову Генри, – но мне показалось, я увидел здесь ученицу.

– Вы в академии, тут достаточно учениц.

Акихико снисходительно улыбнулся, подошел ближе и, игнорируя все известные Генри стереотипы японского поведения, положил невесомую тонкую руку ему на плечо. Прикосновение, совершенно обычное, ни к чему не обязывающее и не несшее под собой хоть какого-либо подтекста, показалось Генри настолько неприятным, что заставило напрячься. И расслабиться он смог, лишь когда Акихико убрал ладонь.

– Не обращайтесь внимания на... странные звуки, – посоветовал он, заглядывая Генри в лицо. Удивительного оттенка глаза будто стремились прочесть мысли. – Это очень старый дом. Идемте за мной.

Он развернулся и пошел прочь, идеально прямой и до отвращения элегантный.

К удивлению Генри, обратная дорога отличалась от того пути, которым он сам пришел сюда. Еще одна лестница скрывалась за поворотом – странно, что он ее сразу не заметил – и выходила совсем рядом с буфетом, судя по табличке на двери и дивным ароматам свежей выпечки. Генри неожиданно вспомнил, что провел в дороге почти весь день и с раннего утра совсем ничего не ел.

– Запоминайте, мистер Макалистер, – с обаятельной улыбкой обратился к нему замдиректора. – Наш шеф-повар превосходно готовит. Удовлетворит даже самый взыскательный вкус.

Генри не хотел давать преждевременных оценок, но все, что говорил или делал Акихико, вызывало в нем настороженность, даже протест. Вроде бы в его словах не крылось ничего угрожающего, и все же очень хотелось оказаться подальше от этого человека.

Замдиректора явно это чувствовал и, кажется, остался доволен.

– Д-да, спасибо большое, – запинаясь, поблагодарил Макалистер, чем заслужил еще одну фальшивую улыбку.

Буфет остался позади вместе с манящими запахами сдобы и ванили, и, пройдя насквозь холл и следующий за ним коридор-близнец, они остановились перед дверью с узкой позолоченной табличкой, удостоверяющей, что Акихико и впрямь тот, за кого себя выдавал.

– Надеюсь, мы с вами найдем общий язык, – сказал замдиректора, незаметно перейдя на японский, и, кивнув на свободный стул, прошествовал вдоль Т-образного стола к шикарному кожаному креслу, в котором буквально утонул. При этом он умудрился сохранить деловой вид, что говорило о годах тренировок. – К слову, при мне можете расслабиться. Иногда вовсе не соблюдать этикет лучше, чем делать это кое-как. Итак, вы привезли контракт?

Генри его слова задели, но он молча выложил на стол папку с подписанными экземплярами трудового договора. Акихико мельком взглянул на них и черкнул на последней странице размашистую подпись дорогой перьевой ручкой. Строго говоря, заметил Макалистер, в этом кабинете все было безумно дорогим, однако же не вульгарным, как водилось за неопытными коллекционерами. К тому же, если глаза не обманывали бывшего полицейского, одну из стен украшала работа кисти Биссона, а позади владельца висело масштабное полотно, изображающее типичную английскую семейную пару на прогулке. Картина была наполнена свежими теплыми красками и совершенно не подходила к образу, сложившемуся у Генри в голове.

– Вам нравится? – Акихико прищурился, как довольный кот. – Предпочитаю оригиналы. От подделок за километр несет ложью, а я не люблю, когда мне лгут.

– Я учту, – кивнул Генри, немало озадаченный тем, куда зашел разговор. Да и сам замдиректора вдруг перестал походить на изнеженного мальчишку. Впрочем, метаморфоза длилась недолго.

– Если вам ясны обязанности, то мы непременно поладим. Трех дней хватит, чтобы освоиться? В понедельник приступайте к работе. Или, быть может, вам требуются разъяснения?

– Нет, мне все ясно.

Честно признаться, Генри не особенно вчитывался в договор, стремясь во что бы то ни стало попасть в академию. Его больше волновали другие вопросы.

– Если так, то...

– Можно узнать, почему уволился прошлый комендант? Его что-то не устраивало?

– Скажем так, он был очень ретив в исполнении обязанностей и брал на себя слишком много. Каждый должен заниматься своим делом, вы так не считаете?

Генри нахмурился. После получения приглашения он потратил некоторое время на поиск информации о бывших и нынешних сотрудниках «Дзюсан», но потерпел неудачу. Казалось, этих людей просто не существовало. И слова Акихико только усилили подозрения.

– На что вы намекаете?

– Лишь на то, что у каждого своя роль. И не забудьте забрать ваш экземпляр, Макалистер-сан, – ненавязчиво напомнил Акихико. – Что-то мне подсказывает, он пригодится, вздумай вы, к примеру, освежить утомленную долгой дорогой память, – и посмотрел на часы.

Генри проследил за его взглядом и нехотя поднялся.

– Я пойду. Приятно было познакомиться.

– Макалистер-сан! – оклик догнал Генри возле самой двери. – Вы неплохо изъясняетесь по-японски, но настоятельно советую вам обратиться за помощью. Кимура для этого вполне подойдет.

Раздосадованный и взволнованный, Генри покинул кабинет. Акихико говорил загадками, а Генри не любил, когда с ним играют, кидая намеки, как косточки собаке. Впрочем, он только приехал, не нужно сильно спешить. Для начала Генри отправился на поиски своей комнаты, даже не задавшись вопросом, как ему найти человека по имени Кимура, особенно если учесть, что он не представлял, мужчина это или женщина.

За дверью кабинета замдиректора коридор разветвлялся на три, один из которых вел к лестнице, а оставшиеся два в равной степени могли привести Генри к комнате коменданта.

– Вот мы снова и встретились. – Его внимание привлекла невысокая миловидная японка с торчащими во все стороны короткими волосами. Она присела в шутовом книксене и помахала рукой, – Макалистер-сан.

Генри узнал в ней шумную особу, швырявшуюся цветочными горшками. Девушка выжидательно уставилась на него и скрестила руки на груди, Генри даже показалось, будто он что-то неверно перевел в ее речи.

– Прошу прощения, – начал он, тщательно подбирая слова, – я ищу коменданта, – и быстро поправился. – Комнату коменданта.

Она глубоко вздохнула:

– Какой невежливый. Кто же так с девушками знакомится? Я Асикага Руми, учительница литературы, – и она требовательно протянула руку, которую Генри с удивлением пожал. Укоренившийся в сознании типаж молчаливой и скромной азиатской женщины дал трещину. – Общежитие для сильной половины там. О! – Руми радостно хлопнула в ладоши. – Давай, провожу? Предыдущий комендант был редкостным занудой и никогда не приглашал меня в гости.

Видимо, в дружелюбии Генри она ничуть не сомневалась. Вслед за новой знакомой он добрался до нужной комнаты.

– Моя благодарность, – Генри с облегчением отпер дверь и тут вспомнил кое о чем: – Простите, а где мне отыскать Кимуру?

– Кимуру? Зачем тебе? – удивилась Руми.

– Спросите замдиректора. Он решил, что мне нужна помощь в освоении языка. Кимура... Какой предмет преподает?

Руми прыснула в кулак.

– Кимура и освоение языка? Акихико, видать, заскучал, – и махнула рукой в ту сторону, откуда они только что пришли. – Угловая под номером три, не заблудишься.

Генри не вполне понял ее эмоции, но уточнять не решился. Пообещав еще поболтать как-нибудь, Генри дождался, пока шумная девица уйдет, и предпринял попытку достучаться

до Кимуры. На стук никто не ответил. Решив, что это судьба, Генри вернулся к себе и без сил рухнул на постель.

Обязанности коменданта и впрямь были весьма подробно расписаны в одном из пунктов договора, продублированного на английском. Его, а также ряд других документов, обнаруженных на письменном столе предыдущего коменданта, Генри изучил со всем возможным вниманием. Академия располагалась в огромном старинном особняке конца девятнадцатого века, на первом этаже в правом и левом крыле соответственно были комнаты учителей и части прочего персонала, например, коменданта и психолога, а также помещения общего пользования: библиотека, спортзал, столовая и кухня, медицинский кабинет. Там же был и кабинет замдиректора. На втором располагались комнаты учеников, слева – мальчиков, справа – девочек, и учебные классы. Третий этаж закрыт на ремонт. Часть работников жила в бывшем флигеле прислуги, а садовник устроился в домике в стороне от основных построек.

К слову, учителей было довольно мало. Многие совмещали предметы, например, Асикага вела японскую и зарубежную литературу и японский язык, а химик Ларсен преподавал также физику и биологию. Даже Акихико Дайске в свободное от административных обязанностей время занимался с детьми рисованием. Все они работали не первый год, в отличие от Генри, и наверняка знали некоторые секреты «Дзюсан». И Генри тоже собирался их узнать.

Однако же час был довольно поздним, и приглушенный свет настольной лампы настраивал на сонный лад. Макалистер потянулся и смачно зевнул. Доставшиеся ему апартаменты были не-дурны – светло-бежевые обои с нейтральным узором, темно-зеленые тяжелые шторы на двух выходящих соответственно в сторону парка и парадного входа окнах, постель, достаточно широкая для одного. Письменный стол только, по мнению Генри, лучше передвинуть ближе к окну, но это дело поправимое. Он снова зевнул и, бросив взгляд на большие настенные часы в ретро-стиле, засобиравшись в примеченную заранее душевую.

Вечерняя академия производила еще более гнетущее впечатление. Пустые мрачные коридоры наполнились эхом шагов. Переодевшись в домашнее, Генри вооружился блокнотом и ручкой и отправился в холл, изучить информационный стенд, пока была возможность сделать это в тишине. Учебный год начался две недели назад, хотя здесь, в «Дзюсан», программа обучения отличалась от привычной, и с ней Генри только предстояло познакомиться.

Как и ожидалось, холл был пуст, но лишь на первый взгляд. У того самого стенда, по левую сторону от парадной лестницы, стояла девушка и что-то внимательно читала. В глаза бросилась по-мальчишески тонкая фигурка, а мягкие льняные брюки широкого кроя и спортивная куртка придавали ей особый шарм. Но больше всего Генри поразили волосы – длинные, иссиня-черные, они гладкой блестящей волной спускались ниже лопаток. Девушка поменяла позу, расслабленно опершись на одну ногу и чуть прогнувшись в спине. Определенно, Генри предпочитал несколько иной типаж, но случая познакомиться упускать не собирался.

– Добрый вечер, мэм, – вежливо поздоровался он, подошел ближе и, спохватившись, заговорил на японском: – Я хотеть... хотел спросить...

Сердце отчего-то волнующе забилося. Красавица медленно обернулась и заправила за ухо длинную прядь. «Хорошенькая», – подумалось Генри, от волнения он окончательно забыл все языки и умудрился смешать вместе английские и японские слова.

А потом девушка заговорила. Красивым, бархатистым, но совершенно точно мужским голосом:

– Извините, но вы, кажется, меня с кем-то перепутали.

Генри уже сам осознал ошибку, как следует рассмотрев парня. Такого позора он предвидеть не мог. А уж, казалось бы, после смазливового замдиректора стоило отовсюду ожидать подвоха!

Сгорая от стыда, Макалистер молчал. Длинноволосый парень тоже не спешил разряжать обстановку, взирая на Генри открыто и немного смущенно.

– Вы в порядке? – на чистом английском спросил он после долгой паузы. И прозвучало так неприятно, с издевкой, будто на самом деле он хотел спросить другое. Например, «ну что, флирт не удался?».

И Генри все же прорвало:

– Нет, вы издеваетесь, что ли? Меня пугали призраками и духами, а про чертовых транс-веститов предупредить забыли! Что это за мода тут такая, делать из людей дураков?!

– О чем вы?

– Об... – Генри понял, что не может прямо сказать незнакомому мужчине, что принял его за симпатичную женщину, и, круто развернувшись, поспешил прочь. Парень проводил его задумчивым взглядом, повел плечами и вернулся к изучению стенда. Вывесили афишу для весеннего бала в честь Дня Странствующих Душ.

Генри едва ли смог бы объяснить свое возмутительное поведение, более того, запершись в комнате, он принялся корить себя за неуместную эмоциональность, которая не пристала к лицу потомку кельтов, но традиционное воспитание прочно закрепило в нем идеалы правильного и неправильного, того, как должен выглядеть и вести себя настоящий мужчина и как не должен. Но все равно было стыдно и неловко, и Макалистер надеялся, что в ближайшее время с тем парнем не встретится.

Судьба оказалась не столь благосклонна.

Занятия начинались в девять, однако персонал академии приступал к работе на час раньше. Генри проснулся без будильника, сделал короткую зарядку и, убедившись, что семь часов уже миновало, переделся в черные брюки, рубашку и жилет, тщательно пригладил вечно торчащую челку и отправился штурмовать комнату номер три. Однако все приготовления оказались напрасны, ибо на стук снова никто не вышел. Генри постучал еще раз и принялся ждать, нетерпеливо притопывая ногой. Он уже подумал было, что Асикага ошиблась, как за спиной послышались шаги.

– Простите, вы меня ищете?

Бархатистый голос показался знакомым и, оборачиваясь, Генри уже знал, кого увидит.

Давешняя «девушка», в спортивном костюме и с наушниками, стояла у него за плечом. Генри снова почувствовал, что мучительно краснеет:

– Я... э-э-э... – он напрягся, отыскивая в памяти разом позабытые японские слова. – Нет, не ищу.

Парень прошествовал мимо, слегка припадая на одну ногу, видимо, поврежденную, и отпер дверь. На пороге обернулся и еще раз посмотрел на Генри.

– Вам точно ничего не надо? – и откинул с вспотевшего лица выбившиеся из высокого хвоста волосы. Генри бросило сначала в жар, потом в холод. Чувствуя себя последним дураком, он поспешил удалиться, справедливо опасаясь снова выставить себя на посмешище.

С первого дня в стенах академии «Дзюсан» Генри Макалистер умудрился едва не попасть под обстрел цветочными горшками, стать объектом насмешки эксцентричного замдиректора и испортить отношения с человеком, которого даже не знал. Таков был список достижений, и подобными темпами он грозил только расти и полниться.

Неудачно начавшееся утро Генри собрался исправить сытным завтраком, не без оснований считая, что вкусная еда – решение всех проблем или, по крайней мере, большинства из них. Столовая, вход в которую прятался под лестницей в холле, встретила тишиной и рядами пустых столиков. Конечно, он пришел несколько рановато, но все равно казалось странным, что ему все еще никто не повстречался. Впрочем, столы раздачи были уже готовы к наплыву учеников и персонала, и к выбранному для завтрака месту Генри принес полный поднос. Только не успел он воздать должное стараниям поваров, как аппетит перебил радостный возглас:

– Макалистер-сан! Как чудесно, что ты уже тут!

Определенно, складывалось впечатление, что, кроме самого Генри, в академии проживало только три человека, и один из них – Асикага Руми: она шествовала напрямик к нему. Шумно опустившись напротив, она грохнула поднос о столешницу и, будто бы разом о нем позабыв, устала на Генри.

– Ну, как устроился? Кошмары на новом месте не снились? Или как там у вас, европейцев, это бывает? – Руми озорно подмигнула и расплылась в дружелюбной улыбке, отчего ее и без того раскосые глаза превратились в две лучащиеся счастьем щелочки.

Генри задумался, что такого ему снилось ночью? Вроде ничего плохого, ведь едва ли можно назвать кошмаром парня из третьей комнаты, каким бы виноватым Генри себя перед ним ни чувствовал. А вот при мысли о загадочно подмигивающем лиловым глазом Акихико вообще пропадало желание завтракать.

– Нет. Я спал очень крепко.

– Это с непривычки, – заметила Асикага. – Потом привыкнешь.

К чему Генри должен привыкнуть, он так и не понял, однако собеседница явно любила поболтать, чем грех было не воспользоваться.

– А где все, Асикага-сан?

– Ой, да просто Руми, – отмахнулась она. – Тогда я буду звать тебя Генри-кун. Идет?

На вопрос это мало походило, скорее, на утверждение.

– Идет. Так, где все люди? Ученики, преподаватели? Вчера я встретил всего несколько человек.

Руми выхватила с тарелки тост и, ничуть не смущаясь, слизнула весь джем, после чего отправила хлеб в рот. Пришлось дожидаться, пока она прожует.

– Это норм... – Руми быстро отхлебнула чая. – Нормально. Завтра будет праздник Дня Странствующих Душ. Задействованы практически все, от первогодок до старожилов. Я насилу отмазалась.

Вероятно, имелась в виду та сцена с вываливанием из окна. Что ж, подумалось Генри, шантаж – метод действенный.

– И Акихико тоже будет участвовать? – закинул удочку Генри.

– Дайске? Этот в первую очередь, он же у нас тут царь и бог, – то ли с восхищением, то ли с обидой ответила Руми. – Речь будет говорить.

– А что директор?

– А что директор? – пожала плечами Асикага. – Ты его видел? И я не видела. Вот его зам, этот везде и всюду. Иногда, бывает, в туалет заходишь, и так и кажется, он сейчас из-за сливного бачка выглянет.

Прямолинейности ей было не занимать. Она вдруг с заговорщицким видом поманила Генри и, навалившись грудью на стол, громким шепотом поделилась:

– Говорят, он с директором в отношениях состоит, ну, понимаешь каких. Иначе с чего бы ему вести себя в академии как хозяину? Я, конечно, свечку не держала...

Асикага хихикнула, представив, видимо, такую картину, а вот Генри стало не до смеха. Он тоже на воображение не жаловался, и увиденное повергло в священный ужас. Насколько он помнил, директором числился некто Джордж Уильям Малберри, меценат из Англии. Так все же не зря Акихико показался ему столь подозрительным!

Руми перестала хихикать и, заметив кого-то в дальней части столовой, подпрыгнула и призывно замахала рукой.

– Сората! Сората, иди сюда, я тебя кое с кем познакомлю!

Это имя Макалистер слышал впервые и даже не представлял, кому оно могло принадлежать. Оборачиваться было как-то неловко, и он дождался, когда Сората, кем бы он (или она?) ни был, приблизится к их столику.

– Доброе утро, Асикага-сан, – поклонился подошедший парень. – Но попрошу вас впредь не называть меня по имени.

Генри захотелось немедленно провалиться сквозь землю вместе с подносом. «Красавица» из холла, Кимура из третьей комнаты и парень в костюме повара по имени Сората были одним и тем же человеком, и, если Сорате Генри ничего обидного сделать не успел, то перед первыми двумя уже оконфузился.

– Это Генри-кун, он будет комендантом мужского общежития, – проигнорировала укор Асикага. – Соблюдай правила, Сората, иначе он тебя накажет.

Руми подмигнула повару и уткнулась в чашку с остывающим чаем. Макалистер догадался, что сейчас должен что-нибудь сказать.

– Доброй ночи... То есть доброе утро, Кимура-сан!

Тот сдержанно кивнул, и Генри засомневался, нет ли у него случайно брата-близнеца?

– Доброе утро, Макалистер-сан.

– Ой, так вы уже успели познакомиться? – разочарованно протянула Руми. – Вчера, что ли?

Генри поймал на себе серьезный взгляд Кимуры:

– Мы не знакомы.

– Вы неплохо говорите по-японски, – заметил Сората, – но Акихико-сан уже распорядился позаниматься с вами.

Руми косилась то на одного, то на другого, горя желанием знать подробности, но они не спешили продолжить разговор.

– Прошу меня простить, мне нужно вернуться к работе. Извините.

Стоило Кимуре, чуть прихрамывая, удалиться, Руми перешла в наступление:

– Когда вы познакомились? Я же вижу, вы друг друга узнали.

– Это не совсем так, – ответил Генри, раздосадованный тем, что вопросы задавали ему. Как бывший полицейский, он привык делать это сам. – Я, пожалуй, тоже пойду. Приятно было увидеться.

Генри оставил едва тронутый завтрак и поспешно покинул столовую.

– Ну а мне-то как! – крикнула вдогонку Асикага и переключилась на еду.

В тот день Генри предстояло ответственное дело, подойти к которому следовало с особым тщанием, если, конечно, он рассчитывал задержаться в своей должности как можно дольше. Суэта вокруг Кимуры неожиданно сильно затянула, отвлекая не только от цели, ради которой он сюда приехал, но и от работы. А меж тем пришло время познакомиться со своими подопечными.

Академия гудела, хотя еще вчера казалась совершенно пустой. Подготовка к празднику вносила оживление в ряды учеников. Макалистер некоторое время постоял в дверях актового зала, присматриваясь и прислушиваясь, прежде чем, дождавшись перерыва в репетиции, подойти к группе мальчишек и девчонок, устроившихся в проходе между рядами.

– Ты здорово поешь, Минако, – светловолосый парень с южным загаром и с выглядывающими из-за воротника рубашки красными проводками наушников хлопнул подругу по плечу и обаятельно улыбнулся. Генри перевел взгляд на нее. Худенькая, черноволосая, в милой форме из клетчатой юбочки и белой приталенной блузки с галстуком-бантом из шелковой ленты.

– Микрофон просто ужасен. Сэм, ты должен что-нибудь сделать с этой допотопной аппаратурой! Жуткий звук! И почему Николь опять не пришла?

– Чтобы не слушать твоих завываний, – хихикнула долговязая и угловатая девушка с длинными волосами мышиного цвета.

– Заткнись, Юлия! Ты вечно ее защищаешь!

Стоящий чуть в стороне хмурый японец хмыкнул и внезапно посмотрел прямо на Генри. В сравнении с друзьями, он казался более взрослым, но дело было скорее не во внешности, а в тяжелом пристальном взгляде.

– Эй, вы кто такой? – недружелюбно спросил он, не расцепляя рук, скрещенных на груди. Его товарищ с любопытством обернулся:

– Кого ты увидел?

Девочки всполошились, и Генри услышал, как они, забыв о вражде, шепотом произнесли его имя. Юми, похоже, не обманула.

– Меня зовут Генри Макалистер, я новый комендант мужского общежития, – заученно представился он, надеясь, что ничего не напутал в этом сложном языке. Учить его пришлось в изрядной спешке, но способности к языкам были у него в крови.

Мальчишки переглянулись.

– Почему же вы не на своем рабочем месте? – дерзко спросил японец. – Это не общежитие, а актовый зал.

Генри не был готов к такому резкому отпору.

– Я пришел познакомиться с вами, – ответил он. – К работе я приступлю в понедельник.

– Тогда в понедельник и приходите. Не тратьте чужое время.

Генри растерялся, а вся компания смотрела на него в ожидании реакции, но на помощь внезапно пришел блондин, сказав с заметным акцентом.

– Не обращайтесь внимания, Хибики не очень-то любит общаться. Я Сэм, приятно познакомиться, а это...

– Хонда Минако, – девушка грациозно поднялась на ноги и склонилась в традиционном поклоне. – Почему же вас не взяли к нам в общежитие? Какое досадное упущение. Вы из Лондона? Моя мама училась в Лондоне, а вот я не захотела.

Она явно привыкла добиваться мужского внимания, не переставая болтать и как бы между делом поправлять волосы, отчего Генри почувствовал неловкость.

– Юлия Шульц, – высокая девушка помахала рукой. – Guten Tag, Herr Mcalister.

– Приятно познакомиться, Минако, Сэм, Юлия.

– Вы, наверное, думаете, странно, что я не японец, – подмигнул Сэм. – Будьте готовы удивляться, потому что кого тут только нет, даже один русский.

Хибики позвал его со сцены, игнорируя Генри.

– Ладно, мне пора, – Сэм виновато развел руками. – Минако, ты идешь?

Макалистер встретился с Хибики взглядом и сразу понял, что заслужить его доверие будет очень непросто, а, судя по всему, он пользовался в кругу сверстников авторитетом. Короткое знакомство мало что прояснило, но почему-то Генри не сомневался – не все слухи о «Дзюсан» так уж далеки от истины. Безусловно, одного взгляда на того же Хибики хватало, чтобы убедиться – трудные подростки здесь действительно были, но вместе с агрессией и максимализмом Генри уловил в пареньке что-то еще. Это ощущение... Он не был уверен до конца, но, похоже, трудные детки могли оказаться еще и *особенными* – такими, как он. И это лишь добавляло вопросов в его длинном списке.

День прошел в бесполезной суете. Генри казалось, что никому нет до него дела, кроме вездесущей Асикаги, не участвовавшей в общественной работе. Наконец настал праздничный вечер, о котором Генри уже был так наслышан.

На вступительную речь замдиректора Акихико Дайске Макалистер опоздал, но его появления в актовом зале все равно никто не заметил.

– Я чрезвычайно рад видеть вас всех здесь, в стенах академии «Дзюсан», – мягко и вместе с тем прочувствованно вещал со сцены Акихико, озаренный таинственным светом приглушенных рамп. Ряды удобных, обитых велюром кресел были заполнены учениками, преподава-

телями и остальным персоналом, в честь праздника освобожденными от своих обязанностей. Приятный голос заместителя директора разносился по залу, усиленный не только микрофоном, но и отличной акустикой самого помещения. Генри поймал себя на мысли, что слушает с большим удовольствием, и скривился, будто съел целый лимон. – Многим из вас известна древняя легенда острова Синтар, которая повествует о фуна-юрэй, призраках утонувших в море людей. Так вот, эта легенда гласит, что в далекие времена, когда остров носил свое истинное название – Онисэн – и его жители поклонялись позабытым богам, одной весенней ночью, такой темной, что даже лепестков цветущей сакуры было не увидеть во мгле, море у берегов озарилось прекрасным голубым сиянием. Удивленные люди решили, что морские боги явили им свою милость и послали несметные богатства из подводных сокровищниц. Все, от мала до велика, отправились на побережье в надежде отыскать те сокровища, однако их жадность была жестоко наказана, и не все в ту ночь вернулись к своим женам и матерям. А наутро на берегу нашли деревянные обломки с неизвестными рисунками. Великая скорбь охватила остров, но стоило наступить новой весне, как море вновь заиграло голубыми огнями. И вновь пошли рыбаки на верную гибель. Жители посчитали, что это души погибших мореплавателей, странствующих по мировому океану, не могли выбраться на сушу, и потому прибивались к берегам и притягивали живых людей блеском несуществующего золота. Тогда жители острова решили задобрить духов, и раз в год, в середине апреля, на берегу устраивали гулянья, пели песни и бросали в воду цветы и пищу.

Голос Акихико постепенно затих, но эхо его завораживающей истории еще звенело в воздухе. Зам поднял на притихших слушателей затуманенный, будто унесшийся сквозь время взгляд:

– Это очень старая легенда, передающаяся из поколения в поколение жителями острова Синтар. Сколько в ней вымысла, а сколько правды, кто теперь знает? Но традиция проводить каждую весну праздник Дня Странствующих Душ осталась. Мы не станем приносить даров, но пусть сегодня всю ночь звучит музыка. Да будет так.

После короткой концертной части Генри, сидящий в последнем ряду, первым покинул актовый зал.

Празднование плавно перетекло в холл второго этажа, и разномастно одетая в свои национальные костюмы толпа приступила к наиболее приятной части мероприятия – танцам. Генри притаился у дальней колонны, встав так, чтобы видеть всех и самому быть как можно менее заметным. Просторный холл наполнился светом, отражающимся в зеркальных стенах. Музыка перекрывала веселые голоса, смех и цоканье каблучков по паркету. Наблюдать за танцующими было невероятно увлекательно – ученики и преподаватели стремились перещеголять друг друга в яркости и самобытности нарядов. Взгляд выхватывал из толпы то русскую красавицу в красном сарафане и вышитом кокошнике, то южанку, разодетую как настоящая Кармен. Были и разудалые юноши-викинги, и сдержанные китайцы в струящихся шелках. Генри половину жизни провел в строгой школе-пансионате для мальчиков и такой размах торжества видел, возможно, впервые.

Наблюдая за игрой света в зеркалах, он не сразу заметил девочку, притаившуюся за колонной совсем рядом с тем местом, где стоял он сам. На ней не было маскарадного костюма, только простая юбка и вязаный свитер с пандами. Девочка не сводила взгляда с танцующих пар с легкой, как Макалистеру виделось, завистью.

– Привет, – решил он поздороваться. Она показалась ему очень грустной и одинокой. – Почему ты одна?

Девочка вздрогнула и большими темными глазами уставилась на него. Генри ободряюще улыбнулся.

– Меня зовут Генри Макалистер, я новый комендант мужского общежития, – он протянул руку и, не дождавшись ничего, опустил. – А как ты? То есть, кто ты?

– Ода Николь.

Сочетание имени и фамилии показалось Генри странным, но он пока слишком мало пробыл в академии, чтобы составить мнение о принятой здесь нормальности.

– Почему ты не танцуешь, Николь?

Девочка, а ей едва ли исполнилось больше пятнадцати, упрямо поджала тонкие губы:

– Не хочу. Мне это не интересно.

Макалистер не был подростковым психологом, но догадался, что ее просто никто не приглашал.

– Хочешь потанцевать со мной? – он галантно протянул ей руку. – Я не слишком хорош в этом, но буду стараться.

Николь ответила не сразу.

– Вы странный, – наконец, произнесла она. – Но мне это правда, совсем не интересно.

И, круто развернувшись, сбежала по лестнице.

– Эй, смотри-ка, это же наш Генри-кун!

Асикага Руми обнаружилась в противоположном конце холла, но ее звучный голос с легкостью прорвался сквозь мешанину разнообразных шумов. Она живо замахала обеими руками и, подцепив за локоть своего спутника, потащила сквозь толпу.

Они представляли собой весьма колоритную пару. Руми удивительно шло красное шелковое кимоно, подобранное широким поясом, а в ее спутнике Генри не без удивления признал Кимуру Сорату, этим вечером преобразившегося в настоящего самурая. С завязанными в высокий хвост волосами он уже не выглядел тощим мальчишкой и производил совсем иное впечатление. Одна его ладонь покоилась на рукояти деревянного меча.

– Добрый вечер. – Генри не сумел сдержать восхищения: – Асикага-сан, вы великолепны!

– Вот! Вот! – она едва не выронила веер, так резко взмахнула руками. – Настоящий джентльмен. А ты все оби, оби...

Руми вдруг замолкла и в немом изумлении оглядела наряд самого Макалистера, скользнула по белой льняной рубашке, накинутому поверх пледу и юбке-килту в красно-зеленую клетку и остановила взгляд на традиционной сумке-спорране, отделанной мехом.

– Что? – занервничал он и покосился на Сорату в поисках намека. Кимура со скорбным видом молчал. Асикага прижала ладони ко рту и прыснула со смеху:

– Ты тануки косплеишь?

– Что я делаю? – Генри растерялся. – Что такое тануки?

Кимура внезапно перебил:

– Потом объясню! Идемте, Асикага-сан, я немедленно вас переодену.

Руми возмущенно шлепнула его сложенным веером по плечу.

– Это еще зачем, извращенец ты волосатый?!

Сората с трудом сдержался, чтобы не схватиться за голову – Генри видел, как он борется с собой.

– Ваш оби завязан спереди.

– И что?

– Так носят замужние женщины.

– И что?

Сората вздохнул, как перед прыжком в воду:

– И женщины легкого поведения.

– И что? Я не поняла, тебе что за дело, какое у меня поведение?

Генри начал потихоньку понимать суть разговора и что оби, о котором шла речь, всего лишь пояс на ее платье. Для него лично местоположение банта никакой роли не играло, тем более он вообще с трудом представлял, как можно самой себе завязать такой сложный узел сзади.

На их препирательства уже начали оборачиваться.

– Асикага-сан, – осторожно заговорил Генри, но Руми его перебила:

– Замечательные коленки, – без тени смущения заявила она, и Генри впервые показалось, что доставшийся от отца килт – он всегда возил его с собой как память – коротковат. – Обожаю красивые мужские коленки. Так бы и...

– Асикага-сан! – одновременно взвыли они с Соратой, и Руми кокетливо стрельнула глазами.

– Ну а что не так? Я девушка незамужняя, шотландцев люблю. Наверное, – она задумалась. – Не знаю, не пробовала.

Ее замутненный, видимо, разыгравшимся воображением взгляд вернулся к Кимуре.

– Собирался меня переодеть? Я согласна, можешь делать со мной, что хочешь! – она хихикнула и, подмигнув Генри, потащила Сорату прочь. Только длинный хвост его черных волос взметнулся в воздух.

Почувствовав непреодолимое желание освежиться, Макалистер поспешил скрыться на балконе, пока искусительница в кимоно не вернулась, чтобы забрать его с собой третьим. По пути он едва не столкнулся с Акихико. Замдиректора был в своей обычной одежде, лишь из петлицы торчала свежая багряная роза. Он чуть заметно улыбнулся и прошел мимо, оставляя за собой шлейф терпко-пряного одеколона.

Ночной воздух приятно охладил кожу, разгоряченную духотой наполненного людьми зала. Ветерок ласковыми пальчиками пробежался по волосам. Балкон был пуст, под ним растянулся темный английский парк, а дальше по обе стороны от подъездной дорожки мрачнел густой лес, подступающий почти к самой границе моря, светлым пятном выделившегося на фоне сумрачного, затянутого грозowymi тучами горизонта. Подернутая дымкой болезненно-желтая луна тревожно выглядывала, точно испуганная приближающейся бурей. Генри запрокинул голову, наслаждаясь прохладой и тишиной. Ему показалось вдруг, что он слышит еле различимый плеск волн о песчаный берег. Вглядевшись вдаль, он увидел вереницу голубых искорок, тянущихся к суше, будто огни Святого Эльма на мачтах призрачного корабля, который никогда не найдет свою гавань. Генри припал к перилам, стремясь разглядеть необыкновенное явление, но огни растаяли под гнетом надвигающейся тьмы. Сверкнула молния, перечеркивая небо пополам. Раздался отдаленный раскат грома.

Гроза была совсем близко.

– Мне страшно, – услышал Генри рядом. Схватившись за перила бледными тонкими пальцами, Юми озабоченно вглядывалась вдаль. Повернувшись к Генри, она тихо повторила: – Страшно. Вдруг они однажды все-таки придут?

Зябко пожившись, девочка медленно растворилась в воздухе, не оставив после себя ничего, кроме эха странных, пугающих слов.

Макалистер постоял немного, обдумывая их, но все же решил вернуться в холл, пока не пошел дождь.

Все было, как и прежде. Пары танцевали, играла музыка, сверкали ослепительно-ярким электрическим светом начищенные до блеска зеркала. Из бокового коридора вышли Асикага и Кимура. Руми устало обмахивалась веером.

– Вот не ожидала! – она поправила пояс, на сей раз завязанный там, где надо. – Заводишься вполоборота, как неопытный мальчишка!

Сората негромко ей ответил, но слов было не разобрать. Откровенность Асикаги шокировала, но Генри чувствовал, что сможет к этому привыкнуть. И вдруг за спиной полыхнула зарница, кто-то из девушек громко взвизгнул, и весь свет одновременно погас.

В наступившей тьме вновь проявился проклятый дар Генри, и он отчетливо увидел, как закружились по залу призрачные силуэты давно мертвых танцоров. По телу пробежал холодок.

Когда глаза привыкли к темноте, фантомы исчезли, Макалистер встретился взглядом с напряженным Кимурой, сделал к нему шаг, и в этот момент пронзительно закричала ученица.

– Прочь, прочь! – Юлия Шульц, кружась на месте и размахивая руками, будто защищалась от кого-то. – Не прикасайся ко мне! Прочь!

Генри бросился к девушке. В создавшейся суматохе сделать это было не так просто, все толкались, наступали на ноги, кричали. Кто-то уже навис над несчастной, и Генри почему-то показалось это неправильным. Склонившегося человека он не знал, хотя успел познакомиться с большей частью обитателей академии, если не лично, то хотя бы со стороны.

– Эй! – окликнул его Генри.

Музыка стихла.

Незнакомец обернулся, сверкнув красными глазами из-под спутанной гривы волос, обнажил звериные клыки и рассыпался осколками черного стекла. Юлия снова вскрикнула, теряя сознание. Когда Генри, наконец, прорвался к ней, девушку уже переложили на носилки и без лишних слов понесли к выходу в левый коридор.

– Бедная девочка, совсем крыша поехала.

– Неудивительно. У Шульц всегда были проблемы с головой.

– Стойте! – крикнул Генри вдогонку, но его не слышали. В этой суматохе вообще никто не обратил внимание ни на странных медиков в белых халатах и масках, ни на монстра.

Выбежав в коридор, полный дрожащих теней, он остановился и прислушался. Сделал еще шаг и едва не прошел сквозь возникшую на пути Юми.

– Не ходите! – высоким от страха голосом взмолилась она и вытянула перед собой руки. – Нельзя!

– Пусти, – попросил он. – Это важно! Я должен узнать, что творится в этой проклятой школе!

– Но вам и правда нельзя! – она едва не плакала, если бы призраки и правда могли это делать. – Пожалуйста! Поверьте мне!

Можно было не слушать ее, но Генри привык уважать мертвых. Он посмотрел ей за спину: время упущено, и он снова потерял след. Почувствовав это, Юми с облегченным вздохом исчезла, и он ощутил ледяное прикосновение ее пальчиков к запястью. Голова уже вовсю заработала, строя предположения. Генри повернулся, поднял взгляд и увидел Сорату.

– Кимура? Что вы тут делаете?

– Пошел за вами, – честно признался он.

– Зачем?

Кимура отвел взгляд и спросил сам:

– Так что произошло? Вы поняли?

– Не знаю. Не уверен, – покачал головой Генри. – Вы тоже это видели?

– Видел что? Девочке стало плохо, я заволновался...

Генри взглянул на него с внезапно вспыхнувшим подозрением.

– Повара тут все настолько беспокоятся за учеников?

– Не понимаю, к чему вы ведете, – оскорбился Кимура. – Прошу меня простить.

Он развернулся и, прежде чем уйти, бросил взгляд в темную глубь коридора. А Генри с досадой подумал, что теперь точно не узнает, куда унесли Шульц. И если после того, как его остановил призрак, шансы еще были, появление Кимуры окончательно все испортило.

И... могло ли это быть случайностью?

* * *

«Я никогда по-настоящему не задумывался над тем, что ждало меня в будущем. Для таких, как я, ненужных и странных, в этом будущем не было места. А потом все изменилось, и мои новые братья дали мне надежду.

Я буду вести этот дневник, чтобы когда-нибудь все узнали о пути, что нам пришлось пройти ради достижения благой цели.

Они нашли меня на рынке в Киото, где я, как обычно, подрабатывал разносчиком пирожков за жалкие гроши. Сказали, что знают о моих проблемах и могут помочь решить их. “Средство есть”, – убеждали они, и я с радостью им поверил. Так я и узнал о существовании человека по имени Даррел Дикрайн.

Дикрайн был широко известен в научных кругах, однако свой потенциал он направил написание сомнительного труда, в котором утверждал об открытии им некой потусторонней энергии. Новую материю доктор называл в честь себя – энергия Дикрайна, или энергия Ди. Дикрайн был довольно убедителен и яро отстаивал свою правоту, приводя массу примеров, ни один из которых, по сути, не являлся доказательством. Ученое сообщество подняло коллегу на смех, его работа подверглась критике, а спонсоры, на помощь которых он рассчитывал, отвернулись от него. Даррел потерял уважение среди ученых, и больше никто не относился серьезно к его дальнейшей работе.

Дикрайн свернул свои исследования и в буквальном смысле исчез. Никто не слышал о нем до тех пор, пока через пять лет с ним не связался богатый английский лорд».

История вторая, в которой пропавшая ученица оставляет подсказку

*Прощальные стихи
На веере хотел я написать —
В руке сломался он.
Мацуо Басё*

*«Границы непознанного настолько широки, что лишь глупец
возьмется утверждать, что в мире возможно, а что нет. Но еще более
глуп тот, кто входит в эти границы с закрытыми глазами»
Акихико Дайске, мемуары*

Николь сидела на своей кровати их с Юлией Шульц комнаты и растерянно смотрела на опустевший письменный стол соседки. В голове еще не уложилось, что Юлия больше не вернется.

Этим утром, после бала, Николь проснулась и не обратила внимания на то, что Шульц уже не было, спустилась на завтрак, а после пошла на первый урок. Ученики гудели, возбужденные вчерашним праздником, никто не мог сосредоточиться на учебе, и только одно место пустовало – место Юлии. Николь впервые Учитель никак это не отметил, впрочем, за посещаемостью в «Дзюсан» следили не так, как в других школах, и лишь на перемене она решилась заговорить с кем-нибудь.

– Шульц? – фыркнула Минако. – Эта припадочная вчера устроила истерику. Всех перепугала, дурочка.

– Да, было жутковато, – подхватил Сэм.

Но деталей никто не знал, поэтому все, что Николь оставалось, – это ждать конца учебного дня, чтобы зайти к фрау Мэйер, коменданту женского общежития. Часы тянулись, уроки сменялись уроками, и никому будто не было дела до пропажи ученицы.

И лишь после обеда Николь узнала от коменданта, что Юлия покинула академию. Но почему? Никто не говорил прямо, и Николь вернулась в комнату, чтобы собрать книги и учебные принадлежности Юлии, терзаясь этой мыслью. Почему Юлия исчезла так внезапно? Почему ничего не сказала? Они ведь были подругами, по крайней мере, Николь так думала. Можно было хотя бы оставить записку. Даже если ей стало плохо на балу. Николь к тому моменту уже ушла и сама не видела, но даже это, на ее взгляд, не оправдывало подругу.

Мысли меж тем погрузились еще глубже, туда, где хранились особенно болезненные воспоминания. Хироши уехал полтора месяца назад, совсем немного не дождавшись каникул, и тоже не попрощался. Казалось, это было буквально вчера.

Внезапно взгляд Николь зацепился за плюшевый брелок-мишку. Безделушка завалилась за письменный стол, и, только сидя на полу, удалось обнаружить пропажу. Сам по себе мишка не представлял особой ценности, но Шульц воображала, что это ее счастливый талисман, и скорее ушла бы из академии в одной пижаме, чем рассталась с ним.

– Николь? – в комнату деликатно постучали. – Николь, ты здесь?

Она торопливо поднялась с пола, все еще сжимая в руке плюшевого мишку, отряхнулась и открыла дверь. На пороге стоял незнакомый высокий мужчина, однако, приглядевшись, Николь его все же вспомнила.

– Макалистер-сан? – удивилась она.

– Простите за предупреждение... – Он замолк, подбирая слова. – За вторжение. Извините, я еще не вполне...

– Можете говорить по-английски, если вам так удобно, – пришла на выручку Николь. – Я неплохо знаю ваш язык.

Макалистер благодарно улыбнулся, и Николь ощутила прилив горячего смущения из-за того, что стоит на пороге своей комнаты и беседует с ним. Если кто-то из девочек увидит, разговоров хватит на неделю.

– Проходите внутрь, – предложила Николь и подвинулась, пропуская гостя. От нее не укрылось, что первым делом он быстро оглядел обстановку. – Что вы хотели?

– Мне казалось, попасть в женское общежитие сложнее, – вместо ответа произнес Макалистер и снова открыто улыбнулся. Николь не могла не улыбнуться в ответ:

– Вы путаете нас с женским монастырем, мистер Макалистер. До одиннадцати часов вечера никто не станет выгонять вас, если, конечно, вы не задумали чего-то дурного.

И она замолчала, выжидая, глядя на него.

– Сколько тебе лет, Николь?

– Что? – она оторопела. – Мне? Семнадцать.

– А мне двадцать семь. Существенная разница. Однако, – он провел рукой по пустому столу Юлии, – ты мыслишь как взрослый человек, Николь. Я хотел бы поговорить с тобой о твоей соседке, Юлии Шульц.

Ее никогда прежде не допрашивали полицейские, да и не был Макалистер похож на одного из них, скорее на частного сыщика из английских детективов, но Николь не обманули расслабленный вид и приятные манеры.

– Вы хотите меня допросить?

Мужчина удивленно распахнул глаза. Ярко-голубые, как отметила про себя Николь.

– Что ты! Мне просто интересно твое мнение. Я был на балу и видел, что с мисс Шульц случилось нечто нехорошее. Она была чем-то больна? Ее что-то беспокоило?

Николь вздохнула:

– Значит, все-таки допрос. – Она кивнула на стул, а сама присела на край постели. – Нет, Юлия была совершенно здорова и ни на что не жаловалась. Я спрошу прямо – вы считаете, она попала в беду?

Макалистер не спешил опровергать ее предположение.

– Не думаю, что стоит делать поспешные выводы, – после продолжительной паузы осторожно произнес он и пристально посмотрел на Николь. Та взволнованно стиснула подол юбки. – Однако есть основания полагать, что... Николь? Николь, что с тобой?

Она неуверенно помотала головой, прогоняя так некстати возникшую слабость. Макалистер опустился перед ней на корточки и заглянул в лицо. Его голубые глаза были так близко, что Николь увидела в них свое испуганное отражение. Резко отпрянув, она прижала руки к груди и заверила:

– Все в порядке!

Мужчина поднялся, с подозрением глядя на ее красные коленки. Николь потерла их и ощутила легкие вмятинки на коже, оставшиеся от жесткого ворса ковра, и снова почувствовала головокружение.

– Что-то обронила?

– Ничего. Что еще вы хотели спросить?

Макалистер улыбнулся:

– Я не спрашиваю, просто интересуюсь. Понимаешь, Николь, я хочу помочь твоей подруге. Если что-то вспомнишь или найдешь, – это был явный намек, – сообщи мне. Обещаю, все останется строго между нами.

Он кивнул на прощанье и подошел к двери.

– Стойте! – Николь набралась храбрости и все же спросила: – Как это касается вас? Вы же не просто так пришли ко мне и задавали эти вопросы? Вы знаете Юлию?

Макалистер вдруг рассмеялся:

– Я был прав насчет тебя, Николь. Ты невероятно сообразительна и не по годам серьезна. Нет, я не знал Юлию, – он помрачнел, будто вспомнил что-то очень печальное, – но я тоже кое-кого потерял и хочу найти.

Николь стало стыдно за свое любопытство.

– Простите, мистер Макалистер, я не хотела причинять вам боль.

– Боль? – казалось, он удивился. – Не бери в голову. Кстати, возможно, ты могла бы мне помочь. Здесь училась девушка твоего возраста по имени Филлис? У меня есть фотография, – он достал карточку и протянул ее Николь.

Она честно попыталась припомнить.

– Филлис? Нет, я здесь второй год и не помню никого с таким именем. Лицо тоже незнакомое. Простите, пожалуйста. Это... это случайно не ваша сестра? Вы очень похожи.

Макалистер на миг погрузился, но вот уже очаровательно ей улыбнулся.

– Что ж, буду признателен, если вдруг что-то вспомнишь о ней или о Юлии. И помни, что я сказал – можешь доверять мне. Для тебя я свободен двадцать четыре часа в сутки.

На последний вопрос он так и не ответил, и Николь поздно сообразила, что ни слова не сказала про брелок-талисман. Это наверняка было важно, но визит Макалистера так ее смутил, что в голове, казалось, не осталось ни одной дельной мысли. Однако бежать за мужчиной было бы уже слишком, и она решила назначить ему встречу позже. Успокоив себя таким образом, она снова опустилась на пол перед полупустой коробкой. Что-то еще не давало покоя, перекачивалось в мозгу. Николь взяла в руки мишку, сжала и вдруг нащупала внутри что-то твердое и продолговатое, и Николь принялась изучать брелок с новым интересом, пока не отыскала скрытую под густым мехом молнию. Мишка раскрылся, как детский кошелечек, и внутри обнаружился ключ, не от комнаты – несколько меньше и другой формы. Николь задумалась, для чего Юлия так тщательно спрятала его и что он мог открывать.

Взгляд, свободно блуждающий по комнате, сам собой остановился на письменном столе Шульц, однако ни один из двух запертых ящичков не поддавался. Тогда Николь перешла к прикроватной тумбочке, где обычно девочки хранили косметику и прочую мелочь. Был там и крохотный выдвижной ящичек. Сама Николь им не пользовалась – уж слишком неудобный, – но сейчас представила, что для хранения таких важных вещей, как, к примеру, личные письма или дневник, подходил наилучшим образом. В этот момент все встало на места.

– Ты не будешь пользоваться своим ящичком? – поинтересовалась Юлия, отчаявшись втиснуть ворох самых разных вещей в слишком маленькую для этого тумбочку. Николь улыбнулась, наблюдая за мучениями подруги.

– Нет. Мне нечего туда класть.

– Отлично! Тогда я перекину часть барахла тебе, – обрадовалась Шульц. – Ты же не будешь против? Считай, что я отдам их на хранение, как в банковскую ячейку.

Николь согласилась, для нее это было несложно. Юлия что-то спрятала в ее ящик и, заперев, забрала ключ себе.

Вспомнив о том давнем эпизоде, Николь метнулась на свою половину. Ключ легко повернулся в замке, и взгляду предстала тонкая тетрадка в однотонной обложке.

«Личная собственность Юлии Шульц. Ни в коем случае не читать!»

Надпись на первой странице была сделана рукой Юлии, этот корявый крупный почерк Николь прекрасно знала. Значит, все-таки личный дневник. Невозможно представить себе, что его можно просто забыть, уезжая навсегда. Определенно, с Юлией что-то случилось!

* * *

На следующий день первым уроком была японская литература. Асикага-сэнсэй всегда казалась немного странноватой, однако ее занятия были не в пример интереснее других.

– Что бы вам сегодня такого рассказать, детки? – Асикага-сэнсэй прошла по кабинету и, встав за кафедру, расслаблено налегла на нее. – Или лучше послушать вас? Кто-нибудь хочет поделиться впечатлениями от биографии японской поэтессы X века Исэ?

Позади Николь громко усмехнулся Сэм.

– Чандлер, вы что-то хотите сказать по этому поводу?

В голосе учительницы с легкостью угадывалась ирония, которую та не пыталась скрыть. Николь чуть повернула голову, чтобы понаблюдать за реакцией не к месту развеселившегося парня. Сэм, как и ожидалось, густо покраснел. Курихара, его лучший друг, сидящий за соседним столом, напряженно стиснул авторучку. Переживал. Вообще тесная дружба в академии встречалась нечасто, учащиеся были, в основном, слишком чудными, чтобы уживаться друг с другом. Проще говоря, за пределами острова их легко бы назвали психами.

– Что, Чандлер, – Асикага подошла к его столу и склонилась над ним, – язык проглотили? Мне казалось, вам всегда есть что сказать даме.

– Она была легкомысленной женщиной.

Асикага резко выпрямилась и повернулась к терзающему авторучку ученику.

– Курихара? Потрудитесь-ка объяснить, почему вы пришли к такому выводу?

Курихара Хибики спокойно встретил хищный взгляд Асикаги, будто почуявшей новую жертву для литературных споров. Хибики не в первый раз дерзил ей.

– У нее было трое мужчин, ни с одним из которых она не состояла в законном браке. Я считаю, что такое поведение недостойно женщины.

– Как интересно! – Асикага с размаху уперлась руками в его стол. – А если предположить, что всех их Исэ любила?

– Это невозможно.

– Вы уверены, что понимаете, о чем говорите? – прищурилась Руми. – Не каждому везет с первого раза найти свою любовь.

Однако и Курихара не сдавался:

– Это не имеет значения. Важны лишь верность, честь и долг.

– А вы идеалист, Курихара, – с восхищением протянула Асикага. – Я бы с удовольствием побеседовала с вами вне занятий. Но один вопрос я задам сейчас. Вы сами кого-нибудь любили?

Николь вздрогнула. Разговор зашел куда-то не туда, если судить по побледневшему лицу Хибики.

– Да. Если вам так нужно это знать, да, – поднявшись, выдавил из себя парень и быстро покинул аудиторию. Чандлер вышел вслед за ним.

После этого эпизода лекция стала просто лекцией, и Николь, бездумно водя ручкой по раскрытой тетради, вернулась мыслями к балу. Генри Макалистер был прав: ей действительно хотелось танцевать, но никто ее так и не пригласил. Юлия тогда еще смеялась, что, будь она мужчиной, непременно бы стала ее спутником, но саму Шульц вниманием не обделили, и Николь решила провести вечер в одиночестве. Однако ближе к полуночи не выдержала и отправилась хоть одним глазком взглянуть на праздник. Юлия блистала, как звездочка, пусть и частенько посмеивалась над собственной непривлекательностью. Но, несмотря ни на что, как никто умела быть обаятельной. Думая об этом, Николь понимала, что у той не было причин так спешно покидать «Дзюсан», иначе это бы хоть как-то проявилось – в поведении, в настроении,

в разговорах. Просто ее полки в шкафу вдруг опустели, остались только учебные принадлежности и несколько книг, которые Шульц, к слову, так ни разу и не попыталась прочитать.

Николь это все сразу показалось сомнительным, а Макалистер только укрепил ее подозрения. Вырвав из тетради листок, она принялась сочинять послание.

– Эй, Ода! – окликнули ее. Николь подняла голову и сообразила, что занятие закончилось и почти все разошлись. – Приходи завтра к полуночи в восьмую комнату.

– Зачем?

Николь не часто приглашали на подобные посиделки, зная, что она, скорее всего, откажется. К тому же у нее никогда не было ничего общего с этой девушкой – Минако. Типичная «готическая лолита» по виду, она мнила о себе невесть что и с удовольствием принималась командовать другими, особенно мальчиками.

– Будет интересно, – с таинственным видом произнесла Минако и, поманив за собой свиту, покинула класс.

Николь вернулась к записке. В ней она просила Макалистера о встрече, причем тоже в полночь, но сегодня, в библиотеке – одном из немногих помещений академии, не запираемых на ночь. Можно было просто прийти в комендантскую, но Николь стало казаться, что им небезопасно вести такие разговоры днем. Кто знает, что на самом деле случилось с Юлией, да и Макалистеру, кажется, есть что скрывать от посторонних.

А тут еще одна проблема: идти к Минако не хотелось, но портить отношения с ней и другими девочками с этажа не стоило, ведь с ними еще предстояло жить вместе, а рядом больше не было Юлии, чтобы поддержать и даже защитить, если понадобится.

Окончательно расстроившись, она побрела на поиски Макалистера.

Отдать записку оказалось еще более сложной задачей, чем решиться ее написать. Сунув послание между страницами томика стихов, она отправилась на прогулку. Пахнущий отцветающей вишней воздух слегка освежил голову, но не помог полностью избавиться от давящего чувства тревоги. Николь неторопливо брела по саду, загребая носками туфель опавшие лепестки. В этом уголке обширного сада царила японская весна, и та часть Николь, которая чувствовала зов своих азиатских корней, наслаждалась покоем, в то время как французская половина отчаянно жаждала приключений.

– Герр Маннелиг, герр Маннелиг, женись на мне! Тебя одарю я щедро, не отпущу, пока не дашь мне ответ! Скажешь «да» или «нет»!

Николь вздрогнула от неожиданности. Кто-то продирался сквозь густые заросли, громко и фальшиво напевая известную шведскую балладу. Очень громко и очень фальшиво.

– Герр Маннелиг, герр Маннелиг, женись на мне! Тебя одарю я щедро! – надрывался невидимый певец, и вот на дорожку вывалился растрепанный долговязый мужчина в замызганном темно-синем комбинезоне с заткнутыми за пояс резиновыми перчатками веселого оранжевого цвета. Садовник замолк, увидев замершую в нерешительности слушательницу, и всплеснул руками.

– Вот незадача! Я думал, что здесь нет никого, кроме Вилле и Халле!

– Вилле и Халле? – переспросила Николь и тут же пожалела об этом. Садовник Нильс Йохансон был не из тех людей, с которыми стоило вступать в диалог по причине не столько их многословности, сколько совершенной алогичности мышления. К примеру, Йохансон искренне верил в существование садовых гномов, разговаривал с ними, подкармливал и периодически забегал в академию, чтобы всем о них рассказать. Делал он это всегда громко, скорее даже кричал, не вылезал из грязного поношенного комбинезона и мыл голову максимум раз в две недели, при этом его бледно-рыжие с проседью волосы всегда были одинаково взлохмачены, будто причесывался он теми же граблями, которыми убирал опавшую листву. Впрочем, при всех этих странностях садовником Нильс, похоже, был отменным, потому как содержал

огромное пространство сада и парка в почти идеальном порядке, и никто никогда не видел, чтобы ему кто-нибудь помогал. Разве что только его садовые гномики.

– Это мои друзья, – с готовностью сообщил швед и немного кокетливо пригладил сальные волосы. – Хотите, я вас с ними познакомлю?

– Нет, спасибо, – отпрянула Николь. – Может, в другой раз.

Йохансон к чему-то прислушался.

– Еще кто-то? В такую рань! – Он смешно задрал голову. – Восточная тропинка, ярдах в десяти от пруда с карпами. Высокий сильный мужчина, судя по шагам.

Николь пораженно выдохнула:

– Вы его слышите?! Это же так далеко!

– Там живет Олле, он нашептал мне, – расплылся он в улыбке. – Идет неуверенно, споткнулся. Новенький? Эй, фройляйн, вы куда?

Николь побежала в восточную часть сада, уверенная, что там найдет Генри Макалистера.

– Фею не разбудите!

Николь на бегу махнула рукой.

Дорожка, вымощенная светлым камнем, привела ее к аккуратному пруду с зелеными листьями лотосов, покачивающихся на воде. На противоположном берегу располагалась круглая деревянная беседка с остроконечной крышей.

Макалистер стоял спиной к Николь, засунув руки в карманы брюк, и смотрел на беседку. Проследив за его взглядом, она с удивлением поняла, про какую «фею» говорил садовник.

– Мистер Макалистер!

Получилось несколько громче, чем она рассчитывала, и задремавший в беседке Кимура Сората сонно заморгал, поднимая голову. Их он пока не заметил.

Макалистер, казалось, обрадовался ее появлению.

– Николь, ты что-то вспомнила?

Вместо ответа она, косясь на приглаживающего волосы Кимуру, протянула книгу. Макалистер взял подарок и удивленно повертел в руках.

– Я плохо читаю по-японски. И стихи не слишком люблю. Но спасибо, мне приятно твое отношение.

Николь вспыхнула до корней волос. Захотелось громко обозвать его дураком и убежать, но даже в таком смущении она понимала, как глупо при этом будет выглядеть сама. Точно влюбленная школьница, бегающая за преподавателем.

– Николь? – услышала она вслед, но уже скрылась за деревьями.

Ближе к вечеру Николь с ужасающей ясностью поняла, какую глупость совершила, и самое страшное, что пути назад не осталось. Ровно в полночь Макалистер придет в библиотеку и будет ждать ее. Николь взвыла и с головой накрылась одеялом, но даже это не смогло прогнать дурацкую мысль о том, как он будет выглядеть, во что будет одет, какими словами встретит. Николь сбросила одеяло на пол, перекатилась на живот и зарылась носом в подушку. Рядом на тумбочке безжалостно тикал большой розовый будильник – подарок родителей на прошлый день рождения. Оставалось еще два часа до приведения приговора в исполнение. Обняв плюшевого зайца, Николь не заметила, как задремала.

Без четверти двенадцать Николь села на постели и круглыми от волнения глазами уставилась на циферблат. На ней все еще была ночная сорочка с кружевами по подолу и теплые носки. Она молнией метнулась к шкафу и принялась вытрясать оттуда вещи. Потом резко остановилась, рассердившись.

– Это же не свидание, в конце концов, – строго напомнила она себе, украдкой бросив взгляд в зеркало. Из длинной неопрятной косы торчали волосинки, щека, к которой она прижимала ладонь во сне, все еще была красной. Юлия бы отвесила подруге подзатыльник за такой вид.

Николь взяла себя в руки, быстро переоделась в темные джинсы и водолазку и осторожно выглянула за дверь. В коридоре горел приглушенный свет. Она мышкой скользнула за угол, тихонько спустилась по лестнице и немного успокоилась, только когда покинула крыло общежития и попала в основное здание. Здесь точно никого не должно быть в такой час. Проходя мимо лестницы на второй этаж, Николь уловила посторонний звук. Притаившись в тени, прислушалась. Звук повто-рился.

Кто-то шаркающими шагами передвигался по буфету.

Николь боялась даже вздохнуть. Шаги приблизились, из арки появилась невысокая фигура и направилась в сторону холла. Как раз куда нужно было самой Николь. Удивительно, но любопытство оказалось сильнее страха быть пойманной на месте преступления, и она крадучись пошла следом.

– Кимура-сан?

Голос принадлежал Макалистеру, но его самого Николь пока не видела, однако воображение уже нарисовало высокую подтянутую фигуру, короткие рыжие волосы и теплую, всегда будто бы немного извиняющуюся улыбку, впрочем, едва ли сейчас мужчина улыбался.

– Доброй ночи, Макалистер-сан, – спокойно поприветствовал его шеф-повар. – У вас плохой сон?

– Плохой сон? Не вполне понимаю...

– Мучают кошмары? Почему в такой час вы не в постели?

Николь придвинулась ближе и аккуратно выглянула из укрытия. Посреди холла друг против друга стояли Кимура и Макалистер, и отчего-то ей померещилось, как над ними сгущается атмосфера.

– Не знаю, на что вы намекаете, Кимура-сан. Мне незачем бояться кошмаров, моя совесть чиста.

Сората оперся на одну ногу, сместившись чуть влево и открывая обзор на напряженно вытянувшегося Макалистера.

– Аналогично. А вы поэтому бродите по академии при полном параде?

– А вы в пижаме!

– Вы невероятно наблюдательны. – Приятный мягкий голос Сораты похолодел. – Я десять минут назад поднялся с постели. И это не пижама.

Николь вжалась в стенку, не зная, то ли смеяться бессмысленному препирательству мужчин, то ли переживать, как бы дело не приняло нежелательный оборот. В любом случае, подумалось ей с некоторым облегчением, сегодня едва ли удастся поговорить с комендантом. Уходя, она слышала отголоски дискуссии, перешедшей на тон выше.

– Я не желаю ссориться с вами, Макалистер-сан! Тем более среди ночи.

– А я с вами не ссорился, это вы почему-то ко мне цепляетесь. И у меня акклиматизация!

– Говорите или по-английски, или по-японски, я вас не понимаю.

– Не делайте из меня дурака!

Николь дошла до лестницы и не знала, чем закончился их разговор.

Следующим утром она ощутила все прелести нечистой совести и нарушенного слова. Представив себе Макалистера, оставшегося ждать ее у входа в библиотеку, захотелось исчезнуть из академии без следа. Наверняка, думалось ей, мужчина счел ее легкомысленной вертихвосткой, не упустившей случая обратить на себя внимание. Такой вывод напрашивался сам собой, и для Николь, серьезно относящейся к своей репутации, это было настоящим ударом по самооценке. Если срочно что-нибудь не предпринять, ситуация станет только хуже. Впрочем, она старалась не думать, что боится показаться ветреной глупышкой одному конкретному мужчине.

Ей непременно нужно было с ним объясниться, каких бы моральных сил ей это ни стоило.

Проводя много времени за чтением приключенческих книг, Николь и предположить не могла, что быть героиней одной из них так сложно. Она провела больше часа, планомерно прочесывая академию в поисках коменданта: прогулялась по саду, несколько раз, с перерывом в пятнадцать минут, заглянула в читальный зал, будто бы Макалистер до сих пор мог дожидаться ее там, пока не пришлось отправляться на завтрак. Современная светлая столовая уже полнилась людьми. Любимый столик Николь был свободен, и она поспешила к нему. Место возле одного из широких, забранных бело-зеленым тюлем окон позволяло обозревать весь зал и при этом давало иллюзию уединенности. Напротив как раз закончили завтракать две ученицы, и Николь осталась наедине со своим подносом.

Минут через десять в столовую вошел Макалистер. Он оглядел зал хмурым, немного сонным взглядом и увидел Николь. Она заметила, как преобразилось его лицо, слетела совсем ему не подходящая мрачность и суровость, а глаза зажглись интересом. Мужчина резко поменял курс и собрался подойти к ней. Этого ни в коем случае нельзя допустить!

Макалистер миновал половину зала, лавируя между столиками и голодными учениками, как вдруг буквально из воздуха перед ним возник шеф-повар Кимура Сората. Столкновения, увы, было не избежать, все это понимали, в том числе и эти двое. Сората только успел чуть уклониться вправо, стремясь спасти поднос с чайными чашками, но Макалистер оказался не столь ловок, и его окатило горячей сладкой жидкостью.

Он угрожающе покраснел.

– Черт возьми, вы что творите?! – сдерживая крик, прорычал он по-английски. Светлосиреневая рубашка пропиталась чаем насквозь и прилипла к телу, отвратительные коричневые подтеки устремились вниз, исчезая за поясом брюк, так же пострадавших от столкновения.

Сората склонился в вежливом поклоне.

– Прошу прощения! Но здесь слишком людно, чтобы устраивать забеги, это может быть опасно.

Казалось, все перестали есть, ожидая ответа нового коменданта, а тот потерял дар речи.

– Мистер Кимура, вы...

– Генри-кун! Генри-кун, что с тобой сделал этот мерзкий тип?

Назвать милейшего и безобиднейшего Сорату мерзким типом мог только один-единственный человек во всей академии, и она уже спешила на выручку с салфеткой в руках. Налетев на ошоломленного Макалистера, Асикага Руми принялась с маниакальным рвением промокать его рубашку. Николь смущенно отвела взгляд, не желая видеть, как учительница литературы буквально таранила Макалистера грудью, бросила недоеденный завтрак и практически бегом покинула зал.

– Николь, – позвали ее, и она притормозила, едва не вписавшись в преградившего ей дорогу парня, – мы слышали странный шум. Что случилось?

Сэм Чандлер протянул руку, помогая устоять на ногах, и Николь неловко отпрянула – известная репутация бабника и повесы шлейфом тянулась за улыбчивым австралийцем. Курихара стоял чуть позади, молчаливый и сосредоточенный, как и всегда. Только Николь открыла рот, чтобы объяснить все, как Сэм перебил ее:

– Отлично выглядишь, Николь. Тебе очень идут платья, я еще не говорил?

Хибики подошел ближе, своим присутствием спасая от обязанности как-то реагировать на комплимент.

– Идем, Сэм, иначе не успеем на тренировку. – Он устремил на Николь тяжелый, но вместе с тем лишенный хоть какого-то чувства взгляд. – Увидимся вечером. Приходи в восьмую комнату.

Странно было слышать приглашение из его уст, но Николь отчего-то обрадовалась. Если даже Курихара придет, значит, планируется что-то действительно интересное. Но прежде нужно решить одну проблему.

Посещение психолога было обязательной частью обучения в академии «Дзюсан». В прежней жизни практически каждый из нынешних учеников проходил через это унижение, по своей воле или под давлением родственников. Семья Николь желала дочери только добра, но оно принимало странные формы, которые Николь долгое время не понимала. Не имея в характере должной храбрости для открытого бунтарства, она тем не менее как могла выражала протест, однако сдалась под напором родительской любви, густо замешанной на истериках матери и тщательно выстроенных доводах отца. Впрочем, если подумать, «Дзюсан» был не таким уж плохим местом, уж получше частных клиник. И психолог здесь не в пример деликатнее и ненавязчивее, чем те, которых успела повидать Николь за свою жизнь. Беседы с ним если не помогали, то хотя бы позволяли поговорить с тем, кто не станет смотреть на тебя искоса... Или вообще просто помолчать, бывало и такое. Сегодня Николь намеревалась поговорить о том, что ее волновало. О тех, кто ее волновал.

Визит к психологу затянулся, и Николь, выжатая собственными переживаниями как лимон, выскользнула в коридор. Незаметно прошла половина дня, а ситуация, утром казавшаяся совершенно безвыходной, легче не стала. Николь на минуту прижалась лбом к стене, успокаивая бешено скачущие мысли, и услышала решительные шаги со стороны холла. Она вскинула голову и встретилась взглядом с Генри Макалистером, замершим так, точно боялся спугнуть ее неосторожным движением. Николь быстро огляделась по сторонам, убедилась, что они в коридоре одни, и побежала ему навстречу, напрочь забыв, что хотела вести себя достойно.

– Мистер Макалистер! – Она остановилась в паре шагов и испуганно сложила руки перед грудью. – Мистер Макалистер, простите, мне так жаль! Мне очень жаль!

Николь склонила голову и опустила плечи, пряча горящие щеки за густыми волосами.

– Не за что извиняться, Николь, – голос мужчины прозвучал успокаивающе, почти нежно. – Ты все еще хочешь со мной поговорить?

– Да! – Она выпрямилась, впрочем, избегая смотреть ему в глаза. – Но не здесь.

– Через полчаса в библиотеке, – предложил он. – Мне нужно вернуть тебе стихи.

Николь с готовностью кивнула, и Макалистер, проходя мимо, прикоснулся к ее плечу. Она вздрогнула и с испугом проводила взглядом удаляющуюся спину, обтянутую черной тканью жилетки. В это страшно было поверить, но, кажется, она в него немного влюбилась...

Через полчаса Николь стояла возле стенда с журналами и теребила в руках завернутую в бумагу тетрадь. Появление Макалистера застало ее врасплох, но она не шелохнулась, опасаясь выдать свое волнение.

– Вот твоя книга, – Макалистер протянул ей томик. – Мне не спалось, и я прочитал несколько стихов.

В ответ Николь вложила ему в ладонь тетрадь.

– Это дневник Юлии, я не смогла его читать, он на немецком. Понимаете, она не могла его оставить. Я уверена!

Макалистер нахмурился.

– Давай пройдем в читальный зал. Мне нужно взять словарь.

Он пошел первым, но вдруг остановился в дверях, и Николь врезалась ему в спину. Ударилась и тут же отскочила.

– Что случилось?

– Опять он!

Николь заглянула в зал и увидела Сорату, с удобством расположившегося с книгой и чашкой чая вопреки всем библиотечным правилам. Неяркий свет настольной лампы с зеленым абажуром выхватывал из полумрака привлекательное лицо с опущенными, чуть подрагивающими ресницами, будто Сората почти дремал. Приоткрытые губы изредка шевелились,

от кружки поднимался ароматный пар. Сората отвлекся, чтобы перевернуть страницу, и заметил, что за ним наблюдают. Николь спряталась за Макалистера и, предвосхищая очередные разборки, удержала его за локоть.

– Стойте! Не надо!

Макалистер подчинился не сразу, его плечи расслабленно опустились.

– Да, ты права. Не стоит тратить на него время.

А Сората меж тем спокойно вернулся к чтению, пока они искали англо-немецкий словарь.

Уже после, в коридоре, Макалистер, положив ей ладонь на плечо, извинился и поблагодарил: за дневник Юлии и за то, что она остановила его от необдуманных действий. Прикосновение теплой мужской руки заставило Николь затаить дыхание, а краска смущения еще долго не сходила со щек, даже когда Макалистер ушел.

В этот вечер Николь не стала ложиться спать, размышляя, что ждало в комнате Минако. Хибики удалось совершенно случайно разбудить в ней любопытство, которое нарастало с каждым пройденным часом. Без десяти минут двенадцать Николь накинула теплую кофту – по ночам стены старого здания источали холод, а гуляющие по коридорам сквозняки могли привести к простуде – и отправилась на встречу. Этаж был тих и пуст, Николь никогда не боялась узких коридоров академии, хранящих законсервированное во времени мрачное очарование викторианской эпохи, однако же сейчас с тревогой прислушивалась к звукам собственных шагов. Мягкие тапочки осторожно ступали по тонкой ковровой дорожке густого винного цвета, такого, что казалось, будто пол залит кровью. Николь поежилась, ускоряя шаг, и, постучав, вошла в комнату номер восемь.

– Пришла все-таки, – непонятно было, удивилась Минако или расстроилась. А может, просто констатировала факт. Несмотря на ночной час, она еще не смыла макияж – жирно подведенные черным карандашом и тенями глаза в упор смотрели на Николь, будто выискивая в ней изъян. Дневной наряд кокетливой японской школьницы Минако сменила на кукольное платье черного цвета с пышным кружевным подюбником, рукавами-фонариками и глухим воротом, сколотым яркой безвкусной брошью-черепом. «Лолита» поднялась навстречу и торжественно улыбнулась:

– Теперь все в сборе. Я, Акеми, Сэм, Хибики и ты, Николь. Мы хотим, чтобы ты стала непредвзятым свидетелем проводимого мной спиритического сеанса.

Николь беспомощно оглядела собравшихся и обнаружила, что в комнате только трое. Мальчиков не было.

– А где Кури... – начала она, и тут с жутким скрежетом одна из декоративных панелей в углу отодвинулась, впуская внутрь припозднившихся парней.

– А вот и мы! – радостно возвестил Сэм и подмигнул. – Минако, детка, ты бы хоть изредка смахивала там пыль, мы с Хибики еле продрались.

Минако протянула ручку в кружевной перчатке, и Сэм припал к ней губами. Николь не успела отвернуться.

– Привет, Николь, – поздоровался Хибики. Она кивнула в ответ.

– Давайте поскорее начнем, – подала голос Акеми, хотя раньше ее особо не интересовало подобное. Типичная ботаничка, она всегда была подле Минако, потому что так ее никто не трогал. Соседство устраивало обеих, и как-то так вышло, что они практически подружились, если Минако вообще умела дружить.

Девушки погасили свет и зажгли несколько свечей в праздничных подсвечниках, Минако положила на пол спиритическую доску Уиджи с начертанными на гладкой лаковой поверхности буквами и цифрами и специальной планшеткой.

– Сядьте вокруг на колени и возьмитесь за руки, – напутствовала Минако. – Когда я скажу, расцепляйте круг и кладите пальцы на планшетку, сильно не давите, чтобы дух мог руководить нашими движениями.

Похоже, она искренне верила в то, что говорила, и в то, что собиралась делать. Николь послушно села на пол между Хибики и Акеми и с трепетом протянула руки, одну из которых не сильно сжал Курихара. Его пальцы были тонкими и холодными.

– Кого вызывать будем? – не слишком почтительно спросил Сэм, с видимым удовольствием держа руку Минако.

– Я слышала, что в академии есть призрак девочки, которая умерла здесь давным-давно, когда «Дзюсан» только основали, – рассказала Акеми. – Никто не знает, как ее зовут.

Николь чувствовала дискомфорт от близости Хибики, и вообще все происходящее отдавало дурацким спектаклем. Она ни на секунду не верила, что у Минако получится вызвать даже самого общительного духа, и, задумавшись, услышала тихий шепот за спиной.

– Юми, – машинально повторила она. – Ее зовут Юми.

Но ее услышал только Хибики. Их взгляды встретились, и в его глазах Николь почудилось одобрение.

Она слабо улыбнулась, но Хибики уже отвернулся.

– Я призову дух, который отзовется на мой зов, – не слишком конкретно объявила Минако. – Приготовьтесь и думайте только об этом.

Она и Акеми прикрыли глаза, а Николь украдкой посматривала на Курихару. После спора с Асикагой личность Хибики раскрылась перед ней с другой стороны, неожиданно романтической. Раньше она почти его не замечала, потому что все время проводила с Хироши.

– Дух, который услышит меня! Дух, который придет на мой зов! Готов ли ты отвечать на мои вопросы?

По знаку Минако все расцепили руки и прикоснулись к планшетке. Николь ни на секунду не поверила, что та шелохнется. Сидела и терпеливо ждала, когда Минако сдастся. И вдруг затылка коснулся холодок, будто кто-то легонько дунул, ероша волосы. Она вздрогнула от внезапно охватившего ее ужаса, и вдруг с оглушительным звоном разбилась лампочка в прикроватном торшере. Акеми завизжала, Минако всплеснула руками, переворачивая доску, Сэм с готовностью раскрыл объятия, в которые Минако поспешила упасть. Курихара вскочил, потянулся к выключателю, и в этот момент окно распахнулось от сквозняка, и в свисте ветра Николь послышалось ее имя.

– Что здесь происходит, молодые люди?

Дверь открылась, и в мигающем свете коридорной лампы возник высокий сухопарый силуэт коменданта женского общежития. Она сурово скрестила руки на груди и по очереди оглядела всех участников сеанса. Николь почувствовала себя дурно и прикрыла лицо ладонями.

А в ушах по-прежнему пульсировало тихое шелестящее: «Николь...»

Николь, Николь... Я здесь.

* * *

Тем же днем Генри Макалистер решил, что пришло время действовать.

Он уже достаточно осмотрелся и сделал кое-какие выводы о своих дальнейших ходах. «Дзюсан» и впрямь оказался местом непростым, но и про себя Генри мог с чистой совестью сказать то же самое. И к первому шагу его невольно подтолкнула Ода Николь, умная и такая не по возрасту серьезная девочка. Не без странностей, конечно. Генри смотрел на нее и гадал, есть ли в ней что-то особенное, то, что отличает ее от обычных людей. Что есть в самом Генри и что пропитывает стены академии. Кто-то назвал бы это даром, но Генри, как никто другой, знал ему цену.

Но если честно, больше всего его беспокоило, что он понятия не имел, была ли особенной Филлис. И это лишь сильнее отдаляло их друг от друга.

Генри заглянул в педагогический кабинет на втором этаже, неподалеку от памятной аудитории под номером четыре. Учительская оказалась просторной комнатой с двумя большими окнами, сквозь которые лился яркий и теплый солнечный свет. Одна из створок была приоткрыта, и ласковый полуденный ветерок играл с тонкой прозрачной занавеской, изящное кружево отбрасывало узорчатые тени на простые письменные столы и шкафчики с журналами. Возле одного такого стояла учительница математики, женщина с привлекательными восточными чертами лица, совсем, по мнению Генри, на учительницу не похожая, а за соседним столом сидел в непринужденной позе светловолосый мужчина с резкими скулами и отвлеченным взглядом по-скандинавски ясных голубых глаз. Это был учитель физики и биологии, Хенрик Ларсен. Заметив Генри, оба повернулись к нему.

– Здравствуйте, – Макалистер попробовал изобразить японский поклон, но вышло не слишком похоже. И на всякий случай напомнил: – Я новый комендант мужского общежития. Меня зовут...

– Генри Макалистер, я помню, – Ларсен закончил за него скупающим тоном, потянулся и, взглянув на часы, поднялся. – Прости, дружище, нет времени, но, если ты не заметил, я живу в соседней комнате, можем как-нибудь поболтать на сон грядущий.

– Хенрик! – женщина одернула его недовольно. – Идем.

Когда Макалистер остался в учительской один, он быстро огляделся и неплотно прикрыл за собой дверь. Он не ожидал, что застанет кого-то из преподавательского состава на месте, но удача все еще была на его стороне – прозвучал сигнал к началу занятий, и на некоторое время Генри остался в одиночестве. Сердце, как и всегда в такие моменты, быстро забилося в щемящем предвкушении разоблачения. Генри воровато выглянул в коридор через небольшую щель в дверном проеме и, убедившись, что никого нет, подошел к шкафу с документами. Среди папок и тетрадей должно найтись то, что ему нужно. К сожалению, в школьных делах Генри ничего не смыслил и слабо представлял себе, что делать дальше, поэтому просто методично вытаскивал, листал и клал обратно все документы подряд, пока не увидел журнал, помеченный тем годом, когда Филлис должна была поступить в академию «Дзюсан». Рука дрогнула, и Генри выронил журнал.

Шлепок об пол вывел его из транса.

Что дальше? Он откроет его и увидит имя сестры. Или не увидит? Что делать, если его там не окажется? Генри проделал долгий путь, чтобы войти в ворота «Дзюсан»: бросил работу, продал все, что мог продать, чтобы скопить денег, выучил чужой язык и покинул родную страну. Но почему же сейчас, когда до истины остается лишь шаг, ему так страшно его сделать?

Генри наклонился, и пальцы коснулись плотной грязно-белой обложки.

– Какой сюрприз. Не ожидал вас здесь встретить, Макалистер-сан.

От неожиданности Генри не сразу смог перевести услышанное, но мгновенно отреагировал на голос и свое имя. Он повернулся к двери и кивнул Акихико.

– Я заглянул поздороваться, но, кажется, опоздал.

– Похвальное дружелюбие, – улыбнулся Акихико и склонил голову, исподлобья глядя на Генри. – Но лучше проявлять его в уместное для этого время. Урок уже начался.

По спине, аккуратно между сведенными от напряжения лопатками, пробежала капелька пота. Генри не помнил, когда в последний раз так нервничал, казалось, он вот-вот перестанет дышать. Грудную клетку сдавило, пальцы превратились в лед. Удивительные глаза замдиректора, не мигая, смотрели точно в глаза Генри, и тот готов был поверить, что они его околдовывали. Нужно было что-то предпринять, сделать хоть что-то, чтобы дышать дальше.

– В академии не очень много учеников, да? – спросил он, не думая.

– Учеников? – казалось, Дайске удивился неожиданному вопросу. – Сорок человек. Ах, уже тридцать девять.

Оговорка прозвучала зловеще, и Генри незаметно сглотнул слюну.

– Не очень много. Наверное, вы поддерживаете тесную связь с каждым из них. Как заместитель директора, я имею в виду.

– Иного смысла я в этом вопросе и не вижу, но за уточнение спасибо, – и снова губы Акихико хищно растянулись. – Мы все, и я со своей стороны, стараемся сделать пребывание детей в «Дзюсан» наиболее комфортным и приятным. Если вы это имеете в виду.

Генри оценил мастерство собеседника выворачивать чужие слова наизнанку, но при этом отметил, что дышать стало легче, как будто разговор разрушил чары.

– А после выпуска? Ну, знаете, встречи выпускников, отслеживание дальнейшей судьбы. Все-таки академия «Дзюсан» – особенное учреждение...

– Особенное, – ровно подтвердил Акихико. – И не надо деликатничать, Макалистер-сан. Вы бы стали признаваться, что учились в школе для трудных подростков? А поддерживать контакты с ней?

Генри молчал, и Акихико продолжил:

– Мы делаем все, что можем, но не все зависит от нас. Поверьте, многие хотят забыть это время, как страшный сон, и жить дальше новой жизнью.

Он подошел вплотную и, проходя мимо, хлопнул Генри по плечу. Жест мирный, почти дружеский, но Генри показалось, что у него вот-вот подогнутся колени. Решив не испытывать судьбу дальше, он поспешил покинуть учительскую. Украденный журнал под жилеткой обжигал тело.

В комендантской Генри бросил журнал на стол и перевел дух. Внутри боролись неуверенность и решимость, и Генри задышался. Солнце накалило воздух в комнате, было душно и неуютно. Генри расстегнул несколько пуговиц на рубашке, подошел к окну, чтобы открыть створки, и увидел идущую через парк Асикагу Руми. Она выглядела рассеянной, едва переставляла ноги, словно пребывала в глубокой задумчивости. Когда она проходила под окном комендантской, Генри заметил в ее руке пучок дикой земляники, вырванной прямо с корешками, а в волосах у Руми застряли сухие листья и паутина. Он хотел окликнуть ее, но не успел – увидел, что она не просто шла мимо, а следовала за призрачными огнями. Что-то управляло ею, но вот огоньки исчезли, и Асикага, встряхнувшись, обычным шагом завернула за угол.

А Генри вдруг ощутил ужас. Что-то надвигалось. Что-то должно было случиться.

История третья, в которой Кимура узнает, что боится пауков

*Глубокою стариной
Повеяло... Сад возле храма
Засыпан палым листом.*
Мацуо Басё

*«Основное назначение всех историй – нести в себе какие-то
жизненные уроки. Но бывают такие истории, главный урок которых в
том, что их лучше совсем не знать»*
Акихико Дайске, мемуары

Весна уже полностью вступила в свои права, накрывая остров облаком свежих, чуть сладковатых ароматов цветущей вишни, влажной земли и пробуждения. Сорванные ласковым ветерком лепестки, а иногда и целые бутоны сакуры плавно кружились в воздухе и оседали на плотный розовый ковер.

Каждый прожитый в «Дзюсан» день был наполнен неспешными хлопотами и умиротворенными часами послеобеденного отдыха. По крайней мере, до недавних пор, пока в стенах академии не появился новый комендант мужского общежития Генри Макалистер и не внес в их налаженный быт сумятицу.

Легкий бриз донес до сада солоноватый привкус океана и растрепал тяжелые от богатства соцветий ветви плодовых деревьев. Несколько розовых лоскутков, описав в воздухе незамысловатый узор, осели в пиалу с уже остывшим чаем, нарушив его покой ленивыми кругами.

Кимура Сората, устроившийся в плетеном кресле под навесом беседки с классически вздернутой японской крышей, только что очнулся от послеобеденной дремы, подавил зевок и смахнул с колен россыпь лепестков. Его растрепанные со сна волосы разметались по плечам, и он рассеянно откинул их назад, поднялся с кресла и спустился с невысокого порога беседки.

– Сората! Сората! – послышалось с другого конца парка, разбитого аккурат позади здания академии и уходящего вглубь острова, до того места, где глухой высокий забор отделял его от непроходимого леса.

Звонкий, режущий слух после сонной тишины голос принадлежал Асикаге Руми, она спешила в сторону беседки, примыкающей к стене старого особняка. Кимура обреченно вздохнул.

– Что произошло, Асикага-сан? – вкрадчиво поинтересовался он, ловко избегая столкновения. Руми, тяжело дыша, согнулась пополам и уперлась ладонями в колени.

– Ученики... – выдохнула она, резко распрямляясь. В черных глазах плескался азарт. – Ушли! В лес!

Сората с недоверием покосился на ее возбужденную улыбку, гадая, была ли это радость или таким образом выражалось беспокойство. Ход его мыслей прервал грубоватый тычок в плечо.

– Как ушли? – встрепенулся он.

– Через дыру! В заборе! – Руми уже почти отдышалась и теперь подпрыгивала от нетерпения. – Если этот... – она перешла на заговорщицкий шепот, – Дайске узнает...

– Ни в коем случае, – Сората собрал волосы в хвост. – Нужно их вернуть, пока Акихико об этом не узнал.

Он предупредил помощников, что отлучится ненадолго, достал из одного из ящичков, которыми была оборудована задняя стена беседки, складной нож и фонарик. Зачем ему понадобился последний, Сората объяснить не мог, но интуиции привык доверять.

– Мы еще можем догнать их, если поспешим. – Асикага без лишнего смущения схватила прихрамывающего Кимуру за руку и потащила за собой. Хотя, скорее всего, ей просто хотелось погулять. Может, никто вовсе и не сбегал, но он чувствовал себя обязанным проверить.

«Дырой» на самом деле оказалась всего лишь узкая щель между каркасом забора и металлическим листом, отогнув который, можно было преспокойно выбраться в лес. Сората на секунду задержался, осмотрев место крепления, – содранная краска намекала, что несколько шурупов отсутствовали не случайно. Участок для лазейки подобран очень удачно: в самом глухом уголке сада, скрытом от парка густыми кустами шиповника.

– А вас как сюда занесло, Асикага-сан? – поинтересовался Сората, отгибая лист и пропуская ее вперед. Та перепрыгнула через ригель каркаса и хихикнула:

– Неприлично задавать такие вопросы девушкам.

Сората не стал уточнять, что именно такого неприличного девушка могла делать посреди дня в дальнем конце парка, раз ему не стоит об этом спрашивать; он протиснулся следом за Асикагой, и отпружинивший лист едва не ударил его по ногам.

За забором словно расстился другой мир. Тишина нарушалась лишь шелестом древесных крон и чириканьем птиц. Земля еще спала под толстым слоем прелых прошлогодних листьев и еловых игл, но сквозь него уже пробивались стрелы молодой травы.

Косая дорожка вздыбленного лиственного ковра и сломанных на уровне человеческого роста сучьев вела вглубь леса. Голосов слышно не было, из чего Кимура заключил, что ученики успели уйти достаточно далеко.

– Ну надо же, – Руми огляделась. – Кто бы мог подумать, что противный Дайске прячет от нас такую красоту. Может, тут и грибы есть? Ты умеешь грибы готовить? Хотя кого я спрашиваю, – она махнула рукой и поспешила вперед.

Кимура все больше убеждался, что Руми попросту решила воспользоваться ситуацией, чтобы поискать приключений. Но детей, куда бы и зачем они ни пошли, следовало вернуть до того, как их отсутствие обнаружит вездесущий замдиректора, – так будет лучше для всех.

Руми скрылась из вида и спустя несколько минут вынырнула из зарослей с пучком мелких цветов.

– Я нашла земляничную полянку, – похвасталась она, подсовывая его Сорате под нос. – Я люблю пироги с ягодами. И грибы люблю.

– Вы вообще очень любвеобильны, Асикага-сан, – Кимура улыбнулся одними уголками губ.

– Конечно, – довольно подтвердила Руми. – Живем же один раз, а вокруг столько всего, что нужно полюбить! Кстати, как тебе ваш новый комендант?

Вопрос застал врасплох. Вот о ком, а о Генри Макалестере Сората вообще старался не думать. За несколько лет, проведенных в стенах академии «Дзюсан», он уже привык к странностям новичков, но Генри оказался особенным. И наиболее особенной была его способность сталкиваться с Соратой в самых разнообразных местах и обстоятельствах. Иногда даже казалось, что он специально подкарауливал Сорату, чтобы поставить в неловкое положение, как с разлитым чаем в столовой, или устроить нелепую пикировку на пустом месте.

А однажды, смешно сказать, даже обвинил в преследовании. Хотя тогда ему было вовсе не смешно.

* * *

Сорате снова не спалось; впрочем, это состояние давно стало привычным. Примерно без четверти час ночи он отправился в душевую на первом этаже, не ожидая никого встретить, – на его памяти, он единственный не видел в коридорах ночной академии ничего пугающего.

Приняв душ, он вышел в раздевалку, тщательно промокнул длинные волосы полотенцем и расчесал. Ежевечерний ритуал был закончен, Сората перекинул через плечо влажное полотенце и потянулся к дверной ручке.

Не успели его пальцы сжаться на ней, как дверь распахнулась.

– Макалистер-сан?

Кимура настороженным взглядом скользнул по его высокой фигуре и остановился на лице, для чего пришлось изрядно запрокинуть голову. Неожиданная встреча ничуть не обрадовала, как и все предыдущие. И было похоже, что это взаимно.

– Мистер Кимура, – пробормотал Макалистер на родном языке, и в его глазах легко читалось смятение. – Какого черта? Что вы здесь делаете в такой час?

Сората невольно отступил назад, досадуя на себя за секундную слабость. Ситуация напомнила ему о ночной встрече в холле несколько дней назад.

– Позвольте мне пройти, – попросил он вежливо, но Генри не двинулся с места, закрывая собой весь проход.

– Вы... преследуете меня? – запинаясь, перешел Генри на японский. – Как мне это понимать?

Сората приоткрыл рот в тщетной попытке подобрать ответные слова. Рука сама собой потянулась к лицу, убирая еще влажную после купания прядь за ухо, – когда волновался, Сората всегда трогал волосы, как бы ни старался избавиться от этой привычки.

Макалистер напрягся.

– И не пытайтесь отвлечь меня! Я... я не куплюсь на эти ваши штучки.

– Что вы себе позволяете? – не выдержал, наконец, Кимура, готовый провалиться от стыда сквозь землю и едва сдерживаясь, чтобы не повысить голос – их могли услышать. – Это вы бродите уже которую ночь, а потом утверждаете, что я вас преследую. Может, это мне стоит вас опасаться?

Макалистер пошел пунцовыми пятнами, так что Сорате вдруг стало не по себе. Они застыли в дверях раздевалки, и никто не хотел уступать. Воспользовавшись возникшей паузой, Сората уже собирался проскользнуть на свободу, как Генри вдруг резко обернулся и, не сказав ни слова, грубо впихнул его внутрь, вошел следом и поспешно прикрыл дверь.

– Что вы... – начал Сората и запнулся. Иррациональный ужас перехватил горло, и он на всякий случай отошел на относительно безопасное расстояние. Макалистер его пугал. Нелепый, чудаковатый, он был окружен какой-то особой... аурой, Сората не мог ее охарактеризовать, просто чутье подсказывало держаться подальше, только вот не получалось.

Не позволив Сорате договорить, Генри приложил палец к губам, и в этот момент в коридоре послышались шаги и негромкие голоса, хорошо различимые в ночной тишине.

– А нас точно не заметят?

– Не парься, Хибики. Я слышал, новый комендант тот еще лопух, десятый сон уже видит. Предыдущий везде совал свой нос.

– Мне все равно не нравится эта затея. Идем быстрее.

Генри выглянул в приоткрытую дверь, проводил взглядом удаляющиеся спины двух ребят и обернулся. Кимура не мог сдержать улыбки. Он слышал все от первого и до последнего слова и ощутил себя отомщенным за все причиненные ему неудобства и позорный испуг. Еще никто и никогда не обвинял его в преследовании, хотя находились люди, считавшие своим

долгом сообщить Сорате о его ориентации или других приписываемых ему противоестественных наклонностях. Только вот по-настоящему обидно стало именно в случае с Генри.

– Знаете, Макалистер-сан, – заметив, что тот больше не собирается его удерживать, Кимура решил разъяснить, раз уж выдался удобный момент, – мне кажется, я должен вас уведомить, что мужчины меня не привлекают. На случай, если вы снова решите, что я вас соблазняю.

Сохраняя внешнее спокойствие, он вышел в коридор, и Макалистер ничего не сказал ему вслед.

* * *

– Занимательная личность, да? – Асикага притормозила, заглядывая Кимура в лицо. – Особенно коленки! Никогда не думала, что мужчины в юбках могут выглядеть так... соблазнительно.

– Асикага-сан, – попытался образумить ее Сората. – С чего вы решили, что мне интересны его коленки?

– Нет, ну ты только подумай! Кстати...

Кимура напрягся, узнав в интонациях ее голоса те самые нотки, отвечающие за новые абсурдные идеи.

– ...тебе бы тоже юбка подошла.

– Давайте как-нибудь обойдемся без этих ваших... фетишей, – попросил Сората. Руми хихикнула и снова унеслась куда-то вперед, скрываясь между деревьями. Они шли уже довольно долго, совсем потеряв счет времени. Лес становился все гуще и мрачнее, сквозь плотно сплетенные ветви почти не пробивался свет. Жухлая листва, более сырая и мягкая, чем раньше, лежала впереди нетронутым слоем.

Сората остановился. Холодный ветерок пробежался вдоль позвоночника – они сбились с пути. Подростки, куда бы они ни подевались, этой дорогой точно не проходили, да и дороги-то тут не было и в помине.

– Асикага-сан, – негромко позвал Кимура, оборачиваясь. Оставленная им самим неровная борозда взбитой листвы пропадала где-то в зарослях молодого клена. Следов Руми не было нигде.

– Асикага-сан, – позвал он уже громче, прислушиваясь к своему утопающему в фальшивой мягкости леса голосу, словно со стороны. В голых, едва тронутых зазеленевшими листочками ветвях тревожно вскрикнула и забила мощными крыльями птица, срываясь в небо. Сверху осыпалась пересохшая древесная труха, и Сората рефлекторно прикрылся рукой. Снова все шумы стихли, оставляя лишь звук его сбившегося дыхания. Сората прислонился к дереву, перемещая вес тела на левую, здоровую ногу, и закрыл глаза. Прислушался.

Дзы-ынь.

Тревожно, словно кто-то случайно задел струну сямисэна.

– Руми? – Показалось, что за стволами лип промелькнула и тут же скрылась тень. Сората оттолкнулся от дерева, стараясь не спускать взгляда с того места, где только что успел заметить женскую, как был уверен, фигуру. Асикага? Или одна из убежавших девочек, увидев взрослого, поспешила спрятаться?

– Асикага-сан, не самое удачное время шутить.

Коварные стебли молодых побегов цеплялись за брючины, обвивались вокруг ботинок, норовя уронить незваного гостя. Идти стало тяжелее, словно лес пытался его задержать.

Дзы-ынь, дзы-ынь.

Нет, не ослышался.

Черный шелк, блеснув в редких солнечных лучах золотой паутиной вышивки, снова мелькнул за ветвями. О камень стукнула подошва гэта.

– Прошу прощения, – окликнул незнакомку Сората. Что это не Асикага, он уже понял, но рассмотреть никак не удавалось.

Лес закончился неожиданно. Деревья расступились, открывая залитую теплым закатным светом опушку. Под ногами захрустели камни, обломки старого кирпича, бетона и изъеденных жучками и временем бревен. Кимура осмотрелся. На заросшей кустарником и высокой травой поляне, сочно зеленеющей среди мрачных оттенков застывшей осени, угадывались очертания длинных, как амбары, домов. Стен давно уже не осталось, только, похожие на могильные кресты, торчали обломки кирпичных печей и дымоходов, подпираемые гибкими стволами молодых осин.

По коже снова пробежал неприятный холодок, но находка вызвала интерес. Сората съехал по куче рассыпающихся камней, едва успев удержаться за торчащий из земли сук сваленного дерева. Покрытый прелым мусором пол предупреждающе проминался под неуверенными шагами, чуть поодаль, с другой стороны ствола, виднелся засыпанный камнями и хворостом квадратный люк без крышки. Выглядел он угрожающе, из неуютной черноты тянуло холодом, запахом отсыревшего кирпича и гнилью. Сората хотел обойти его, но что-то, какое-то пагубное любопытство, заставило передумать. Он попробовал дерево на прочность, аккуратно перевалялся через него и заглянул в проем, но тот оказался завален остатками давно просевшего строения. Перебравшись через кромку хрупкого фундамента, Кимура выбрался на широкую улицу, если прогалину между рядами разрушенных домов можно было так назвать. Солнце почти скрылось за высокой полосой леса, погружая поселение в унылую безликую тень, и лишь единственное уцелевшее здание успевало ловить золотящие лучи крыши остроконечной колокольни с покосившимся шпилем. Сразу повеяло одиночеством и безысходностью, болезненно защемило в груди.

Дзы-ынь!

Кимура вздрогнул, на секунду замер, боясь пошевелиться, будто невидимые веревки крепко оплели его тело, порывисто вдохнул и завертел головой в надежде обнаружить источник звука. Золотая паутинка снова блеснула за широкой разлапистой елью, растущей прямо возле входа в церквушку, а следом Сората заметил девушку, миниатюрную и хрупкую, как молодое деревце сакуры в японском саду. Он видел ее со спины – черные волосы, собранные в сложную высокую прическу, украшенную богатым кандзаси с россыпью мелких янтарных цветов, черное кимоно с тонким рисунком золотой паутины, широкий оби из красного с желтым шелка. Узкие расслабленные плечики и соблазнительная тонкая шея, классически открытая воротом одежды – она была само очарование.

Девушка вскинула голову – мелкие цветочки в прическе покачнулись в такт движению – и сделала первый шаг прочь. Из-под подола показалась маленькая ножка в белых таби и шлепнула пяткой по полированной подошве гэта.

– Постойте же! – крикнул Сората. – Я не желаю ничего плохого.

Незнакомка остановилась, встревоженный вздох сорвался с ее губ и растаял в звенящей тишине. Она медленно обернулась, поднимая на Сорату испуганный взгляд черных, словно бездна, глаз, сложила руки перед собой и низко поклонилась, невольно демонстрируя соблазнительные изгибы шеи и обнажившейся до лопаток спины.

У Сораты перехватило дыхание. Казалось, перед ним ожившее видение.

– Прошу меня простить, господин, – прозрачный и чистый, будто журчание весеннего ручья, голос заставил сердце бешено колотиться. И снова почудилось, что где-то натянулась и с надрывом простонала струна сямисэна. – Я не ожидала никого встретить.

– Вы здесь... живете?

Вопрос ему самому показался глупым, бессмысленным. Взгляд заволакивало туманом, мысли путались, запоминая лишь фарфоровую гладкость белой кожи, сочные вишенки приоткрытых губ и золотой узор паутины на черном шелке.

– Живу, но, – красавица повела плечиком и отвернулась, – мне одиноко здесь. Я осталась совсем одна.

– Как вас зовут?

– Гумо.

– Гумо? – Сората нахмурился, силясь вспомнить, где слышал это имя раньше. – Как так вышло, что вы здесь... Почему не пришли в академию за помощью?

Он еще пытался мыслить здраво, но уже спустя секунду все стало неважным.

– Я покажу, – прожурчал нежный голос. – Идите за мной, господин.

Гумо поманила его за собой и скрылась в тени высокого свода церкви. Сорате ничего не оставалось, как шагнуть следом.

Стремящиеся вверх каменные стены выглядели крепкими, но деревянные перекрытия опасно нависали над головой. Ветер, протяжно завывая, блуждал в застенках здания. Обстановка была удручающе скромной: когда-то белые стены, теперь покрытые разводами и трещинами, осыпались под гнетом неумолимого времени. Распятие над алтарем, тоже пострадавшее от разрушительной силы природы, едва держалось на крюках, а отдельные его части не сразу угадывались среди осколков штукатурки и камня на полу. Приходские лавки, укрытые от дождя и ветра стенами, еще сохранили форму, но вряд ли теперь могли служить по своему назначению.

– Гумо... сан? – позвал Сората. Звук его голоса вознесся к потолку и гулким эхом разлился по залу. От сводчатого окна с осколками витражей посыпалась каменная пыль, нарушая тишину множеством нарастающих ударов и заполняя собой все пространство. Кимура сделал шаг назад, липкий страх окутал тело. Рваные силуэты окон и выросты колонн в плавно надвигающемся полумраке угрожающе обступали, словно готовились поглотить свою жертву и погребсти ее под руинами безымянного храма.

Что он здесь забыл? Зачем рискует жизнью?

– Не бойся, – убаюкивающий голос прозвучал прямо над ухом, но красавица ушла далеко вперед, до входа в капеллу.

– Постойте, – Кимура уверенно поспешил к ней, лавируя между крупными обломками и минуя ряды лавок. Но только он настиг ее, как Гумо скрылась в остроконечной арке.

Не останавливаясь, он скользнул следом. В ушах засвистел ветер, в глазах мгновенно потемнело, и Сората рухнул вниз, стесывая кожу на ладонях о битые камни. Вокруг было темно, и глаза далеко не сразу привыкли к отсутствию света. Сверху, там, откуда он свалился, едва угадывались очертания высокого окна. Затхлый застоявшийся воздух хлынул в легкие, вызывая приступ лихорадочного кашля.

Сората поднялся на ноги и отряхнул руки, болезненно присвистнул сквозь зубы от боли. Сделал шаг, споткнулся о камень, едва не упав, и только тогда вспомнил про фонарик в кармане куртки.

Блеклая полоска рассеянного света выхватила из темноты каменные своды подвала, едва ли не превосходящего по размеру главную залу храма. Тот, кто строил церковь, ценил ограниченное островное пространство и наверняка использовал подземелье для каких-то важных целей, но уже вряд ли суждено узнать каких. Груда камня, с которой скатился Сората, когда-то служила лестницей, теперь же возвышалась шаткой непреодолимой преградой. Широкие колонны, тянущиеся под купол потолка, оснащались держателями для факелов, вдоль коридора в ряд высились пустые постаменты, упирающиеся в альмарию во всю стену. На тумбе перед шкафом, отсыревшие от времени, покрытые толстым слоем кирпичной пыли и паутины, но еще целые, лежали книги, окруженные чем-то, в чем Сората не без труда опознал письмен-

ные принадлежности. Таинственный дух старины вместе с запахом земли и прелости породил желание прикоснуться к истории, стать ее частью. Сората положил фонарик на стол и взял в руки раскрытый переплет, смахнул с листов мусор. Книга была небольшой, чуть меньше привычной тетради. Сората попытался подставить ее под свет, но все равно не смог ничего разобрать.

Зябкий сквознячок пощекотал шею. Сората обернулся и, не раздумывая, сунул томик во внутренний карман куртки. Ничто не выдавало присутствия другого человека, но сама атмосфера подземелья вызывала тревогу.

Сората заскользил взглядом вокруг себя и, обернувшись, вздрогнул.

Таинственная, постоянно пропадающая из вида девушка стояла за его спиной и ласково улыбалась, насколько можно было судить об этом в тусклом свете карманного фонарика, по-прежнему лежавшего на гранитной столешнице. Ее черные глаза блестели, словно тысячи звездочек мерцали на чистом безоблачном небе, и от них нереально было отвести взгляд.

– Когда-то здесь собирались хоронить господ. – Гумо положила ладонь ему на плечо, скользящим движением провела по руке, и под ее прикосновением оледенела кожа.

– Кто же вы на самом деле? Прошу... скажите.

Ее пальчики уже ласкали шею за ухом, потом заскользили по линии подбородка. В груди надрылась тревога, но Сората не желал ее слышать, не пытался отстраниться от настойчивых ласк. Теплая волна истомы внизу живота глушила все предостережения.

– Разве это важно? – Гумо поднялась на носочках, обжигая губы дыханием. Кимура затих, закрыл глаза в ожидании. – Я расскажу вам историю этого места. Идемте со мной.

Она взяла его за руку и потянула за собой, и ставшее неожиданно безвольным тело послушно приняло приглашение. Сората не смог сдержать разочарованного вздоха.

Фонарик так и остался на тумбе.

Гумо провела его под низкой аркой и вывела в небольшое помещение, словно специально отделенное от остальных. Холодные пальцы выпустили влажную от волнения ладонь, и Сората так и остался стоять на месте, где девушка его покинула.

– Однажды они высадились на эту землю и привезли своих людей, свою веру, свои порядки, – приятный голос Гумо окутывал, усыпляя и погружая в небытие. Тихий шорох кимоно и шлепанье гэта отдалились, и тонкая полоска золота едва уловимо блеснула впереди. Знакомый звук сямисэна предупреждающе всхлипнул. Сората сквозь пелену забытья ощутил острые нити на своих запястьях и шее, но даже это не пробудило его разум.

– Они отстроили храм и этот склеп, но так и не успели никого похоронить.

В тягучем тембре ее голоса, уже не столь сладкого, как раньше, послышалась улыбка. Она снова щипнула струну, и новая нить-лезвие резанула по рукам и ногам, приковывая к стене. Сората открыл глаза, всматриваясь во тьму перед собой, но только отблеск струн и шелка выдавал присутствие Гумо. Тонкая, словно волос, нить впилась в шею, вынуждая задрать голову выше, но по коже ключиц и запястий уже поползли липкие струйки крови.

Дзы-ынь.

Все больше и больше нитей опутывали его, обхватывая пояс, обвивая ноги и руки, плотнее приковывая к холодной неровной стене.

– Ты вкусно пахнешь, – хищный голос возник совсем рядом, и Сората похолодел. – Не в пример вкуснее тех.

Он прищурился, и мутный силуэт перед ним приобрел более четкие очертания. Гумо неестественно изогнула шею, до хруста, и Сората попытался плотнее вжаться в стену.

– Что за черт? – пробормотал он. Пелена дурмана почти слетела, но было уже поздно. Острая липкая паутина плотно опутывала его, приклеивая к стене. И сразу вспомнилось, откуда он слышал это имя – Гумо.

Дзёро-гумо.

Как бы подтверждая его догадку, женщина-паучиха из старых легенд сдавленно прохрипела – голос ее разбился на множество других, словно сквозь призму, – и выпустила в его сторону длинные лапы, увенчанные острыми когтями. Мягкие волоски пробежались по щеке.

Кимура закричал.

Никогда он не позволял другим увидеть свой страх. Так он привык, так его воспитали, и лишь раз в жизни тщательно оберегаемая маска дала трещину, но даже тогда он упрямо стискивал зубы. И молчал. Но сейчас из горла рвался крик, который невозможно было удержать. Здесь только он и эта тварь, и глубоко внутри Сората понял, что ему конец. Назад он не вернется.

В сравнении с этим опустошающим чувством все бывшее переставало иметь значение.

От его крика паучиха дернулась, нервно всаживая в плечо острое копьё жала. Боль пронзила руку, сознание поплыло. Из последних сил Сората рванулся, то ли стремясь вырваться из липкого плена, то ли борясь со страхом и болью.

И не сразу понял, в какой момент кошмар закончился.

Тусклый фонарик нарисовал перед ним красивое лицо Гумо, все те же аппетитные губы-вишенки, растрепавшиеся из прически густые волосы, узкие бледные плечи с тонкими руками и обнажившуюся грудь, плавно переходящую в мохнатое круглое пузо на восьми массивных лапах.

Позади напряженно взвизгнула и лопнула струна сямисэна.

Чудовище разъяренно взвыло, запрокидываясь назад, и развернулось к Сорате спиной.

– *Не тронь!* – множество разнотонных голосов, точно не принадлежащих недавней девушке, рассыпалось по склепу, а в ответ снова лопнула струна, причиняя Гумо боль.

Кимуре показалось, что стискивающие его оковы ослабли, но все же оставались слишком крепкими, чтобы выбраться из них самостоятельно. Он мог только всматриваться в густую темноту, рассеянную совсем слабым светом фонарика. Сверкнуло лезвие, и последняя, третья, струна со стоном лопнула. Нечеловеческий вопль прокатился под сводами подземелья. Огромная тень пошатнулась. Снова мелькнула сталь, и к ногам Кимуры тяжело упало тело паучихи, подняв клубы столетней пыли.

Сората зажмурился. Чувство опасности отступило, остались страх, боль и жжение в раненом плече. Ему было почти все равно, вместе с последним криком ушли последние крупинки сил. Спаситель подошел, брезгливо пытаясь ногой отпихнуть массивное тело в сторону, и заглянул ему в лицо.

– Макалистер? – к Сорате вернулась способность соображать.

Генри протянул вверх руку, видимо, чтобы освободить Кимуру из плена режущих пут, но тут же отдернул ее, ругнувшись, и поднес большой палец к губам.

– Это еще что за черт? – пробормотал он раздраженно.

– Паутина.

– Пау... что?

– Паутина, – повторил Сората, но уже по-английски. Вряд ли это слово было в обыденном англо-японском разговорнике. Лицо Генри исказилось от отвращения, и он поспешил перерезать нити. Сората навалился на него, давясь от неуместного истерического смеха. Ноги не слушались, тело казалось тяжелым и чужим. Сората дрожал, разрываемый на части от облегчения и дурного веселья.

Генри странно на него посмотрел и промолчал. Справившись со всеми путами, он подставил спину, и Сората, скрепя сердце, принял помощь. Появление Макалистера из ниоткуда стало почти обыденностью и не удивило даже сейчас, когда Сората был на волосок от смерти.

Особенно сейчас.

– Какой черт вас сюда занес, Кимура?

Сората тяжело вдохнул едва уловимый аромат свежeweмытых волос и мыла, приносящий ощущение уюта и безопасности. Он сдавленно всхлипнул, что вышло совершенно случайно, и ответил только тогда, когда они выбрались на поверхность с обратной стороны церкви. Ночь почти вступила в свои права, и воздух, наполненный приятными свежими запахами, был холодным и бодрящим.

– Мы с Асикагой пошли за учениками, – сказал он, тяжело опираясь на плечо Генри. С новой силой накатило беспокойство. Увлeкшись Гумо, Сората совсем забыл и о детях, и об Асикаге. Стало стыдно, что он поддался позорному влечению, впрочем, если вспомнить фольклор, противостоять чарам Дзёро-гумо попросту невозможно – эти существа, ёкаи-оборотни, умели околдовывать, особенно мужчин. И это оправдание Сорате нравилось не больше, чем любое другое. Сможет ли он когда-нибудь забыть о своем позоре и как объяснить все Генри, когда он спросит?

Сората надеялся, что не спросит.

– Асикагой? – задумчиво переспросил Макалистер. – Я видел ее пару часов назад, но она была одна, и, насколько мне известно, прогульщики вернулись в академию раньше нее. Идемте, пока наше отсутствие не заметили.

Он подхватил ослабшего от потери крови Сорату под локоть и неспешно повел через лес. Как бы Сората ни старался, ноги подкашивались, а темнота перед глазами расплывалась цветными кругами. Жгло плечо. Макалистеру временами приходилось останавливаться, чтобы дать ему отдышаться.

– Вы вообще едите, Кимура? – спросил он с легким раздражением, в очередной раз помогая Сорате устоять на ногах.

– Почему вы спрашиваете?

– Девушки вашей комплекции весят больше.

– Это и есть хваленый британский юмор?

– Нет. Просто пока я выносил вас из подземелья, успел заметить.

Нетрудно догадаться, что этот глупый разговор был затеян лишь для того, чтобы отвлечь Сорату от случившегося. Вот только актером Генри был посредственным.

– Вы очень наблюдательны, но, может, прекратите уже сравнивать меня с девушкой? Это не очень-то приятно.

– А с кем мне еще вас сравнивать, если вы ведете себя как истеричная девица? – фыркнул Макалистер. – Слышали бы, как вы визжали.

– Послушал бы я, как завизжите вы, окажись на моем месте! – сквозь зубы прошипел Сората. – Крик – это нормальная реакция на огромного паука, который пытается тебя сожрать. А вот вы сами-то что забыли... там?

Он замялся. За несколько лет в академии он и не подозревал, что на территории острова есть подобное место. Особняк принадлежал британскому аристократу – вот все, что он знал. Должно быть, в поселке с церковью жили не японцы, а «пришлые» люди. Или собирались жить. Гумо сказала, что они не успели.

Сорату передернуло. Чем дальше они уходили от подземелья, тем более реальной ощущалось произошедшее. Ёкай! Как это вообще возможно в наши дни?

– Если вас хватает на то, чтобы препираться, значит, жить будете, – ушел от ответа Генри. Сората решил, что дальнейший разговор только утомит их обоих, и замолчал.

Их отсутствие никого не взволновало – японская половина и двор перед кухней были пусты, лишь бодрое мурлыканье садовника под аккомпанемент шуршащих в траве сверчков слышались из западной части сада. Небольшой навес и месяцеподобная крыша беседки освещались высоким фасадным фонарем, мерцавшим от множества мельтешащих вокруг мотыльков.

– У меня есть ключ. Только помогите мне, – сказал Сората, когда Генри раздраженно дернул дверь кухни.

Как и ожидалось, она давно была закрыта, но у парадного входа высок риск попасть под бдительное око видеонаблюдения. Сората, опираясь на руку Генри, поднялся на порожек беседки и распахнул сёдзи. На деревянной перекладине остался смазанный бордовый след. Рукава белой спортивной куртки пропитались кровью, местами подсохли и картонно шелкали при движениях. Сората до дрожи не любил грязь и всю дорогу мечтал о горячем душе и мочалке.

Терпя боль, он стянул куртку, свернул ее в аккуратный куль и запихнул в один из нижних ящиков. Из другого он достал припасенный запасной ключ. Из третьего вытащил салфетки, старательно вытер руки, нервно стер свежий след с сёдзи. Но легче от этого не стало.

Ключ он протянул Генри.

– Мне открыть? – удивился Макалистер. – Хотя вижу, сами вы не справитесь.

Спустя пару секунд яркий свет люминесцентных ламп, вспыхнувших под потолком, ослепил обоих до цветных пятен перед глазами. Едва заметный шум светильников вытеснил стрекотание сверчков, преследовавшее Сорату весь обратный путь до особняка. Даже ему, привыкшему спать с открытым окном, казалось, что он никогда не сможет избавиться от этого навязчивого звука в голове.

Первым делом Сората метнулся к одной из моек, спеша смыть с рук подсыхающую кровавую корку. Позади нерешительно переминался с ноги на ногу Генри.

– Спасибо, Макалистер-сан, за помощь, – наконец, сумел выдавить Сората и неуверенно развернулся к своему спасителю. Тот был необычно бледен и смотрел на него как на привидение. – Думаю, вы уже достаточно для меня сделали, не стоит больше рисковать...

Генри не дал ему договорить:

– Да вы себя со стороны вообще видели?!

Сората как по приказу посмотрел в стеклянные дверцы буфета на свое отражение: некогда светлой дорогой одежде багровели отвратительные пятна, плечо под майкой опухло и посинело. Со стороны он, должно быть, выглядел жалко, и именно жалость сейчас читалась в глазах Макалистера.

– Медпункт как раз напротив, идемте, я перевяжу раны, а потом катитесь ко всем чертям со своими благодарностями.

У Сораты не нашлось сил, чтобы разозлиться. От теплого, чуть застоявшегося в помещении воздуха кружилась голова, к горлу иногда подкатывала тошнота, оставляя в пересохшем рту неприятную кислую горечь. Левая рука болталась плетью и в месте укуса онемела.

Медпункт на ночь не закрывали. Кимура частенько навещал туда по ночам за анальгетиками, особенно в дни непогоды, когда травмированную ногу буквально сводило от боли. Они плотнее притворили дверь, чтобы не привлечь чьего-либо внимания шумом.

Сората позволил усадить себя на кушетку и, чтобы оставаться в сознании, следил за действиями Генри, пока тот выкладывал на стол перед ним в ряд пузырьки, мотки бинтов, вату и пластыри. Сората запрокинул голову, снова ловя в отблеске стекла одного из шкафов свое отражение – почти фиолетовые круги под глазами, побледневшая кожа и растрепавшиеся в хвосте пыльные волосы.

Генри с деловым видом открутил пробку с одного из пузырьков и, схватив Сорату за запястье, подтащил к раковине и плеснул жидкость прямо на порезы. Кимура порывисто втянул воздух сквозь стиснутые зубы и зажмурился. Из-под ресниц брызнули слезы.

– Вы весьма деликатны, – хрипло прошептал Сората, со страдальческой безразличностью наблюдая, как пенится на его руках антисептик. Порезы оказались на удивление тонкими, будто волоски, и неглубокими, но их было много, они пересекались и находили друг на друга, зани-

мая почти половину предплечья. Такие же полосы обнаружились и на шее. Остановив кровь, Макалистер наложил бинты и скептически осмотрел своего «пациента».

– У меня нет желания с вами церемониться, уж простите, – грубовато извинился Генри.

И тем не менее именно это он и делал, несмотря на колкость речей. Сорате захотелось сказать ему что-то, но на ум не приходило ничего умного, и он молча смотрел, как Генри опускается перед ним на одно колено.

– А теперь давайте я посмотрю ноги.

Сората послушно закатал брючины повыше, инстинктивно задвигая правую ногу под кушетку, в тень. Низ штанин был порезан на лоскуты, держащиеся между собой лишь благодаря остаткам клейкой паутины и крови. Уже привычные ниточки ран полосовали щиколотки и голень, и их обработка не заняла много времени. Но Генри задержал взгляд на правой лодыжке чуть дольше необходимого и потрогал небольшой круглый шрам, давно посветлевший от времени.

Сората прокашлялся, привлекая внимание, и тогда Генри отстранился.

– Не слабо же вам досталось... – протянул тот, поднялся, вложил Сорате в ладонь таблетку и протянул стакан воды. – Пейте.

– Что это?

– Аспирин. Самое большее, чем я могу помочь. Вот, выпьете еще таблетку утром и в обед на всякий случай. – Генри оторвал от блистера несколько ячеек. – Если будет хуже, придется обратиться к врачу.

– Вы действовали ничуть не хуже местной медсестры. Благодарю.

– Ерунда, просто есть хорошие знакомые в этой сфере, – отмахнулся Макалистер, подошел к столу и присел на корточки. Сорату это насторожило.

– Что вы делаете?

– Просто отвернитесь и представьте, что ничего не видите, – велел Генри и по очереди выдвинул все ящики, бегло просматривая содержимое. Сората стоял у него за спиной, но даже так представлял себе его сосредоточенное лицо с плотно сжатыми губами. Такое выражение было у него, когда он смотрел на раненую ногу Сораты и когда тащил его на себе чуть раньше через лес. Обычно Генри Макалистер выглядел иначе – не слишком ловкий в общении, вспыльчивый, но все равно производящий впечатление ответственного человека. Может огрызаться, но едва ли станет что-то красть, тем более при свидетеле.

– И все-таки что вы делаете? Я имею право знать, ведь я за этим наблюдаю и могу считаться соучастником.

– Вас это никак не касается, – ответил Генри, не поворачивая головы. – Берите свой аспирин и идите отдыхать.

– Но позвольте...

– Проклятие!

Сората вздрогнул от резкого возгласа. Генри выпрямился, закончив обыск, и ударил кулаком по столешнице. Задавать вопросы расхотелось.

– Нам лучше уйти, – напомнил Сората деликатно.

Генри кивнул и, сунув руки в карманы, прошел мимо него к выходу. Сората выключил свет и, убедившись, что все осталось таким, каким было до их прихода, прикрыл за собой дверь. На сегодня с него хватило потрясений.

Они разошлись по комнатам без лишних слов и долгих прощаний. За ночь Кимура так и не смог сомкнуть глаз. Стоило только тяжелым от усталости векам опуститься, как в мыслях тут же вырисовывался яркий образ заброшенного склепа и огромной паучихи, возвышающейся над его головой. Вспоминалась красавица Гумо, щекочущая своим горячим дыханием его жаждущие поцелуя губы, и следом накрывало чувство отвращения, перемешивающееся со вкусом меда во рту.

Мелкая дрожь от холода, усталости и нехватки сна пробирала тело штормовыми волнами, то накатывая, доводя почти до бессознательного состояния, то отпуская на несколько минут, даря короткую и оттого мучительную иллюзию покоя.

Промаявшись практически до самого утра, Сората поднялся, оделся в непривычную для него глухую водолазку с длинным рукавом и отправился на кухню. Изможденный организм сопротивлялся, но все же Сората сумел пройти по местам их ночных блужданий и проверить, не оставили ли они после себя следов. В восемь он по привычному своему порядку с подносом в руках постучался в кабинет Акихико, дождался ответа из-за двери и вошел.

– Что с вами, Кимура-сан? – поинтересовался зам, изучая подчиненного пронизательным взглядом, свойственным только Акихико Дайске. Даже Сората, сумевший расположить к себе каждого обитателя академии и находящийся у заместителя в числе доверенных лиц, чувствовал себя словно под холодным пронизывающим дождем. – Вы выглядите неважно. Никак простудились? Ночи еще холодные, стоит быть аккуратнее.

От его медового заботливого голоса у Кимуры побежали мурашки. Он едва не опрокинул поднос, прежде чем поставил на стол перед Дайске кофе и тарелку с джемом и тостами. От острого желания спрятать взгляд заслезилась глаза.

– Вы правы, Акихико-сама.

– Что это у вас? – вдруг спросил Дайске, Сората проследил за его взглядом и нервно вскинул руку. – Кажется, паутинка прилипла. А, нет, показалось. Извините, похоже, я напугал вас, Кимура-сан. Бойтесь пауков?

Сората помотал головой, чувствуя, как слова застревают в горле, будто сопротивляясь. Давящее и оттого гнетущее чувство чужого превосходства окутало тело почти так же, как гипноз Гумо. Замдиректора поднялся со своего места и положил ладонь Кимуре на плечо. Ткань рабочей формы натянулась, немного приоткрывая перебинтованную шею, и Сората остался уверен, что от Дайске это не ускользнуло. Словно убедившись в каких-то своих домыслах, Акихико улыбнулся и одобряюще похлопал по плечу. Повязка на месте укуса зашуршала.

– Отдохните сегодня после завтрака, Кимура-сан.

Вежливо раскланявшись, Сората поспешил покинуть кабинет замдиректора самым спокойным образом, но стоило ему оказаться в коридоре, как он прильнул к стене и, жмурясь от боли, стиснул раненное накануне плечо. Ему стоило огромных усилий скрыть ту боль, которую Акихико наверняка намеренно ему причинил, недаром говорили, что замдиректора знает все.

* * *

«Лорд Малберри, таинственный и богатый покровитель Дикрайна, по какой-то причине был заинтересован в продолжении исследований энергии Ди и предложил опальному ученому сотрудничество. Взамен лорд обещал предоставить оборудование, помещение и компетентных людей.

Конечно, нас крайне заинтересовало это обстоятельство, ибо от доктора Дикрайна и результата его работы зависело в том числе и наше будущее, будущее отверженных и никому не нужных людей. Мы приложили усилия, чтобы все выяснить, однако о деятельности доктора не было известно довольно долгое время. И вот, наконец, удача улыбнулась и нам.

Новым прибежищем Дикрайна стал засекреченный остров в Тихом Океане, восточнее от Японии, не отмеченный ни на одной карте. Синтар испокон веков принадлежал Японскому архипелагу, хоть и находился в стороне от основного скопления островов. Несмотря на недостаток земель, он никогда толком не заселялся: жители архипелага считали, что на Синтар обитает нечистая сила. На соседних островах до сих пор верят в жуткие легенды об этом месте.

Прежде чем предпринимать какие-либо действия, мы с братьями вплотную занялись сбором информации, и, не стыжусь этого признать, то, что мы выяснили, было поистине пугающим.

Британцы заинтересовались этим островом в 1875 году с подачи какого-то аристократа. Он нашел упоминания Синтар в старинных книгах, вывезенных из Японии в XVI–XVII веках.

Япония, являясь торговым партнером Англии, согласилась продать проклятый остров и разрешила организовать там колонию, тем самым заручившись поддержкой индустриальных партнеров, и в 1877 году были подписаны официальные бумаги, подтверждающие право владения островом. За несколько лет колония разрослась, и страшную легенду о нечистой силе, так пугающую жителей архипелага на протяжении многих веков, почти удалось опровергнуть. Однако не успел новый владелец перевезти свою семью на остров, как тут же начали вспыхивать случаи сумасшествия, пропажи людей и другие необъяснимые явления. Испуганные японцы, получив сигналы бедствия, максимально отрезали остров от внешнего мира, запретив ввоз и вывоз как продуктов, так и людей с острова, объявив свое решение эпидемией смертельной болезни.

После установления карантина японцы сделали вид, что острова Синтар никогда не существовало. Большие эта колония в документах не упоминалась...»

История четвертая, в которой Генри и Сората играют в детектива и подозреваемого

*Будь внимательным!
Цветы пастушьей сумки
На тебя глядят.
Мацуо Басё*

*«Контроль есть основа всякого управления. Взявший на себя бремя
власти должен уподобиться пауку – везде иметь глаза и руки, оставаясь
в тени. Если вы не видите меня, это вовсе не означает, что я не вижу вас»
Акихико Дайске, мемуары*

Полумрак читального зала искусственно поддерживался тяжелыми бархатными што-рами, из-за которых в помещение не проникал ни единый солнечный лучик. Плюшевая ткань создавала иллюзию легкого, едва уловимого запаха пыли, неотделимого от аромата старых, не раз читанных книг. На столах горели лампы с зелеными абажурами, направляющими поток электрического света ровно на книжные страницы, отчего узкие проходы между ними погружались в более густую темноту, чем она была на самом деле. Стеллажи с книгами и журналами жались к стенам, отблескивая стеклом дверок, несколько шкафов выстроились в ряд в задней части зала, отгораживая пространство для индивидуальных занятий. Именно туда Кимура Сората привел Генри на первый их совместный урок японского языка.

– Будьте внимательны, Макалистер-сан. – Кимура возвышался над сидящим за столом Генри. – Смотрите на мое лицо. И не делайте такой мученический вид.

Генри постарался быть благоразумным и вести себя, как подобает сотруднику серьезного образовательного учреждения, однако Сората, казалось, специально избрал такой стиль преподавания, чтобы как можно сильнее унизить и разозлить своего ученика, благо для этого не приходилось особенно стараться. Тем более что голова у Генри была забита отнюдь не практикующим по японскому языку, а сведениями, почерпнутыми из дневника Юлии Шульд. Сам по себе он не нес особой информации, но последние записи были вполне оптимистичными и полными планов на ближайшее будущее. Будущее, связанное с пребыванием в академии. Ни строчки об отъезде, недомогании или депрессии. Одним словом, ничего, что указало бы на причину такого внезапного отбытия с острова. Николь что-то подозревала, но была крепким орешком и держала догадки при себе. Стоило поговорить с теми двумя мальчиками – Сэмом и Хибики. Чандлер казался человеком, который дружит со всеми.

– Макалистер-сан, – голос Кимуры отвлек его. – Вы собираетесь меня игнорировать или все же соизволите поднять глаза?

– Зачем мне на вас смотреть? – недружелюбно пробурчал Генри, упорно опуская лицо в конспект. Завел он его скорее не из надобности, а по привычке, оставшейся еще со времен пребывания на должности младшего констебля самого захудалого и скучного района Лондона.

– Затем, что мы взяли за произношение, а не за грамматику, – терпеливо разъяснил Кимура. – Впредь на занятиях говорите только по-японски. – Он не без любопытства заглянул в тетрадь Макалистера, и тот проворно прикрыл листы рукой. – И пишите тоже. Так вам все ясно?

– Нет, – честно признался Генри и покосился на Сорату, впрочем, узрел лишь его живот, ибо выше голову упрямо поднимать не хотел. Сам не знал, к чему это ребячество, но близость Кимуры неизменно вызывала раздражение.

– Я догадался. Потому что не смотрите на меня. – Он склонился к столу, оказавшись лицом к лицу с Генри. – Слоги с буквой «х» произносятся легко, с придыханием. Представьте, что разговариваете с любимой девушкой, – произнес Кимура, буравя Генри немигающим взглядом карих глаз. – У вас же наверняка когда-нибудь была любимая девушка. Расслабьтесь и повторяйте за мной. Хикару, Хоцуин, Хирато, ну же, смелее.

Генри пересилил себя и внимательно всмотрелся в то, как двигаются его губы. Действительно, так оказалось проще понять.

– Хибики, – внезапно выдал он, и Кимура довольно похвалил:

– Уже лучше.

– Курихара Хибики, – повторил Генри, наблюдая за реакцией. – У меня есть подозрения, что он со своим товарищем в неурочное время посещает женскую половину. Вы что-то об этом знаете?

Если Кимура и удивился, то виду не подал.

– Вы комендант, а не я. Мне ни к чему следить за учениками.

– Вы плохо спите и могли что-то слышать или видеть.

В глазах Сораты на мгновение промелькнул испуг:

– С чего вы взяли? Следите за мной?

– Еще чего! Все и без того ясно. Я минимум дважды встречал вас после полуночи без единого сна в глазу, вы предпочитаете принимать душ ближе к часу ночи и после отправляетесь на кухню. При этом встаете раньше всех и выглядите как привидение.

– Сна ни в одном глазу.

– Что?

Сората ровно повторил:

– Сна ни в одном глазу. Так, как выразились вы, не говорят. И нет, я ничего не видел и не слышал.

Сората отодвинулся и с отстраненным видом присел на стул. Давить пока не имело смысла, хотя было совершенно ясно, что он лукавил. Они оба слышали, как переговаривались ученики, спешащие из мужского крыла в женское, и лишь нелепая ситуация возле душевой помешала взять их с поличным. Тут Макалистер невесело усмехнулся, напоминая себе, что давно перестал быть стражем правопорядка, хотя роль коменданта имела схожие черты. Кимура молчал, и Генри вдруг подумалось, что происшествие в брошенном поселении странным образом видоизменила их отношения, с одной стороны, еще больше отдалив друг от друга стеной невысказанных слов, а с другой – дало им шанс хоть как-то примириться с помощью общей тайны. Ни то, ни другое не подействовало в полной мере, а получившийся коктейль был густо сдобрен придирками и подозрениями. Едва ли это способствовало продуктивным урокам. Генри опустил глаза в конспект и вспомнил, как два дня назад оказался втянут в действительно странную историю, которая теперь крепкой нитью привязывала его к Кимуре...

В тот вечер Генри неторопливо готовился ко сну. Переживания, вымотавшие ему нервы, медленно оседали на дно сознания, придавленные усталостью и накатывающими волнами приятной дремоты. Генри оставил гореть только лампу на столе, подошел к окну и, прежде чем задернуть ночные шторы, выглянул наружу. Парк купался в слабом лунном сиянии, приглушенном перистыми темными облаками, и вызывал в душе досадное чувство тревоги. Генри резко задернул шторы и несколько долгих секунд смотрел на свою гротескно вытянутую тень. Выставил перед собой руку, преграждая путь свету, и в темноте, прежде чем ладонь до боли нагрелась от раскаленного абажура, явственно почувствовал чужое присутствие. Оно холодило затылок, будто кто-то открыл дверцу морозилки. Макалистер обернулся.

Она стояла в дверях, неподвижная и воздушная, как изображение в проекторе. Казалось, сквозь девичий силуэт можно было легко шагнуть за порог, как сквозь туманную дымку. И Генри не сомневался, что это возможно.

– Привет, – не делая резких движений, поздоровался он.

Неестественно меловое лицо девочки не дрогнуло, как и сжатые в трагическую линию блеклые губы. Единственные цветные пятна – черные, распушенные по полупрозрачной спине волосы и следы под застывшими раскосыми глазами и на щеках, будто по ним постоянно текла густая и вязкая черная кровь. Ей же был испачкан подол белой ночной сорочки, открывающей взглядам острые синюшные плечики и тонкие веточки опущенных рук. Первый призрака академии «Дзюсан», который выглядел как настоящий призрака.

– О чем вы думаете? – услышал Генри вопрос и, вскинувшись, увидел сложенные на столе руки Сораты. Рукава черной водолазки чуть задрались, показывая перетянутые бинтами запястья. Второй день он изменял своему стилю, пряча кровоточащие шрамы под темной закрытой одеждой. Отчего-то Генри казалось, что это настолько идет вразрез с натурой этого человека, что почти физически причиняет ему боль. Мотнув головой, Генри попробовал прогнать посторонние мысли, однако они навязчиво лезли, посылая яркие воспоминания той ночи...

– Что тебе нужно? – спросил Генри. Ему было не привыкать общаться с не обрешенными покой душами, и этот, пришедший в его комнату, едва стемнело, был просто одним из многих. Кто-то из них умер так недавно, что его можно спутать с живыми, кто-то блуждал по миру, теряя голос и все большие истончаясь, как бы стираясь с пленки жизни. Кто-то из них затерялся в мире людей так много лет, десятилетий или даже веков назад, что становился чем-то иным, едва ли помнящим, кем был раньше. Генри слышал и видел их всех, знал, каковы на ощупь их призрачные прикосновения, отличал простой сквозняк от леденящего присутствия страдающей души. Да, Генри уже очень давно понял, что все они так или иначе страдают, каждая по-своему.

Юная японка молча подняла руку и указала на дверь. Ее мертвый пугающий взгляд наполнился черными слезами, и Генри видел, как они стекают сплошным жутким потоком, срываются на пол и собираются в маслянистую вязкую лужицу под рваным краем сорочки. Схватив со стула спортивную куртку, он повернулся к призраку, но она уже исчезла. И вместе с ней пропала тяжесть, давящая на грудь, и Генри с удивлением понял, что это был страх. Впервые за много лет он испугался того, кого с детства мечтал утешать и поддерживать.

След привел его в библиотеку. Просторное помещение читального зала было окутано тьмой, и свет фонарика пришелся как раз кстати. Когда-то давно здесь, возможно, проводили вечера за чтением степенные викторианские джентльмены, сейчас о тех временах напоминал лишь оставшийся после перепланировки античный камин из белого мрамора. При Генри его ни разу не использовали по назначению, но воля призрака с невероятной силой влекла к нему. Внутренняя стенка была грязной, пыльной, но, кроме этого, разделялась надвое довольно широкой щелью. Генри надавил на них и открыл тайный ход, откуда ощутимо тянуло сыростью, землей, мышинным пометом, но еще больше – густой тревогой и страхом.

Генри поудобнее перехватил фонарик и нырнул в лаз.

– Макалистер-сан?

Голос Сораты доносился будто издалека. Генри опустил ресницы всего на секунду, упрямо цепляясь за авторучку, как за соломинку, удерживающую его от сна. Но это был не сон, а воспоминания.

Генри устало провел ладонью по лицу, зарылся пальцами в волосы, ероша торчащую вверх челку.

– Давайте продолжим, Кимура-сан, – попросил он.

– Вы странно себя ведете, Макалистер-сан, – Сората откинулся на спинку стула. – Пожалуй, на сегодня хватит.

Генри посмотрел на него и вздрогнул от неожиданности.

– Что? – Сората нервно подобрался. – Вы будто призрака увидели.

Генри улыбнулся прозрачной девочке с полными черных слез глазами, замершей за левым плечом Кимуры. Тот излишне быстро обернулся, но, вполне естественно, никого не увидел. Макалистер почувствовал себя отомщенным.

– Что-то вроде того. Не бойтесь, она совершенно безобидна.

Сората рывком поднялся на ноги.

– Мне неприятны подобные шутки. Считаю урок оконченным. Всего хорошего, Макалистер-сан.

– Подождите, – остановил его Генри. – Если вы так нервничаете из-за той паучихи...

– Я не хочу!.. – излишне громко начал Кимура и тут же, успокоившись, закончил: – об этом говорить. Еще раз всего хорошего, Макалистер-сан.

Девочка бесшумно исчезла, и Сората, так ничего и не ощутивший, первым покинул читальный зал. Генри остался сидеть на месте, подумав вдруг о том, как это странно – получать уроки японского не от учителя, например, той же Асикаги Руми, а от повара. Хотя, возможно, у него больше свободного времени, чем у других.

Закрыв тетрадь, Генри отправился на обход.

Первые недели в академии «Дзюсан» не принесли ощутимых результатов в деле, ради которого Генри прибыл на остров, однако же оказались весьма насыщены событиями. Макалистер понимал, что погружается в мир «Дзюсан» куда глубже, чем планировал вначале, и этот мир очень опасен.

После случая с Кимурой Соратой Генри решил сосредоточить силы на более важных вещах, потому что начал испытывать небезосновательный страх привязаться к чужим людям, ведь он подозревал, что раздражение, которое вызывал в нем Кимура, было не чем иным, как первым звончком будущей привязанности. Генри не желал, чтобы это случилось, поэтому поспешил взяться за расследование.

Однажды он потерял важного для себя человека, которого надеялся отыскать здесь, на острове Синтар. Его младшая сестра Филлис пропала без вести, и Генри не мог перестать винить себя в этом, хотя сейчас у него появился шанс попытаться все исправить: по последним данным ее видели на Синтар примерно года два назад. Для полноты картины ему требовались не только журналы из учительской, но и регистрационные тетради смотрителя маяка, исполняющего обязанности привратника. Проблема заключалась в том, что никто не должен узнать об интересе Макалистера. Смотритель помогал разгружать ящики с продуктами и отвозил их в академию, именно это время – по самым скромным подсчетам, примерно час – Генри избрал для разведки. Под видом прогулки он отправился на побережье, к пристани.

От ворот академии вела широкая наезженная дорога, упирающаяся в пирс. Этим путем Макалистер прибыл на остров и помнил аккуратный домик смотрителя с ярко-красной черепичной крышей, как любят рисовать на английских открытках. От него вверх по склону шла узкая тропа к маяку – монолитной высокой башне в традиционную красно-белую полоску. И от маяка, и от домика так и веяло сельской пасторалью, волны с тихим шелестом ударялись о бетонные сваи деревянного пирса, и на них мерно покачивалась привязанная канатом рыбацкая лодка. В безоблачном небе пронзительно кричали чайки. Генри прошел половину пути, остановился и, задрав голову, проследил за полетом буревого. Солнце медленно клонилось к закату, вот-вот наступит тот момент, когда оно раскаленным боком коснется водной глади, чтобы исчезнуть в глубине за считанные минуты.

Генри свернул с дороги, погружаясь в буйные заросли магнолии и жимолости, чей резкий запах, сладкий с цитрусовыми нотками, настойчиво лез в нос. Макалистер надеялся подобраться к домику смотрителя с незаметной стороны, поэтому был вынужден мириться с царапающими лицо и руки колючими ветками и назойливым сильным запахом, от которого потом будет непросто избавиться даже самым душистым мылом. Тропинка возникла незаметно – только что Генри продирался наугад, интуитивно придерживаясь выбранного направления, и вот под ногами уже змеилась тропка, щедро присыпанная опавшими листьями и мертвыми головками цветков магнолии.

Маяк появился внезапно, будто выпрыгнул из зарослей, специально поджидая заплутавшего путника. Перед этим тропинка начала петлять и потихоньку идти в гору, но так, что Генри сразу и не заметил, просто вдруг душные объятия желтых магнолий расступились, и он уперся в гладкую каменную поверхность. На ощупь она оказалась холодной, несмотря на жаркий весенний день, и чуть шершавой в местах, где строители не так тщательно затерли цементный раствор и сразу же покрыли стену краской. Генри обошел основание башни по кругу и обнаружил широкие порожки, ведущие к дубовой, обитой железом двери в форме старомодной арки. Вероятно, сам маяк прослужил уже много лет, а его нынешний вид – заслуга новых владельцев острова. Возле входа разбили небольшой цветник, но розовый куст одичал, и поросль мелких ромашек облепила его со всех сторон. Генри подошел к обрыву и посмотрел вниз, где волны неторопливо набегали на россыпь острых камней, торчащих из воды, как зубы исполинского морского чудовища, и между ними скапливалась пена. Птицы летали низко, чтобы поживиться тем, что щедрое море выкидывало на скалы. Генри втянул носом просоленный воздух, пахнувший одновременно и свежестью, и подгнившими водорослями, в изобилии облепившими побережье. Этот запах был таким насыщенным, ярким, что от него закружилась голова. Казалось, он мгновенно впитался в кожу и одежду и уже никогда не исчезнет.

К сожалению, любование несомненными красотами побережья не входило в планы Генри. Он бросил последний взгляд с обрыва и, больше не оборачиваясь, направился по тропинке вниз по склону и скоро без проблем добрался до двери дома смотрителя. Как и ожидалось, хозяин отсутствовал, что развязывало руки бывшему полицейскому.

Через полчаса Макалистер снова вышел на тропинку. Ничего не изменилось за это время, кроме его настроения, ставшего не в пример сумрачнее. Генри спрятал руки в карманы, ссутулился и быстрым шагом начал подъем в гору, собираясь вернуться в академию тем же путем, что привел его сюда. Неудача огорчила, однако он не тешил себя иллюзией, что быстро достигнет цели. Впрочем, доводы разума слабо доходили до сердца.

Плачущие надрывные крики чаек и шум океана заполняли собой все вокруг, и Генри, к своему стыду, не сразу заметил присутствие еще одного человека, идущего всего в паре десятков шагов впереди. Макалистер едва не споткнулся, узнав в невысокой худощавой фигуре Кимуру, как всегда, оказывающегося где угодно, но только не на своей кухне. Иногда у Генри складывалось впечатление, что шеф-повар на рабочем месте не появляется вовсе. Сбавив темп, он постарался аккуратно отстать от Сораты, но тот, как назло, тоже приостановился, а потом неожиданно резко развернулся.

– Макалистер-сан? – раскосые карие глаза удивленно расширились. – Что вы...

– Нет, это вы что! – ринулся Генри в атаку, чувствуя, как при виде его искренне удивленного лица в груди вскипает беспричинное раздражение, хотя на сей раз причина все же была. – Какого черта вы забрались так далеко от кухни?

Сората быстро взял себя в руки и совершенно спокойным тоном ответил:

– Не дальше, чем вы от комнаты коменданта.

Тут даже Генри не нашел что возразить.

Они замерли друг против друга – Кимура чуть выше, Генри почти у подножия тропы.

– Не знаю, как вы, – сдержанно заметил Сората, – но я планирую вернуться в «Дзюсан» до темноты.

И он продолжил путь, больше ничего не сказав, когда Макалистер догнал его и пошел рядом.

– Хотел извиниться, – зачем-то негромко пробормотал Генри. Сората вопросительно приподнял бровь. – Вы не визжали... тогда. Мне просто нужно было как-то удержать вас в сознании, и я...

– Это все, за что вы хотите извиниться, Макалистер-сан?

– Черт возьми! Вы невыносимы! – воскликнул Генри на английском и добавил, исправившись: – Для начала этого вполне достаточно.

Тропинка вынырнула к маяку, и Кимура остановился перевести дух – восхождения с его раненой ногой давались не так легко, как он желал бы показать.

– Я принимаю ваши извинения, – наконец, произнес он, прислонившись к холодному бетону стены. – И верю, что они искренни.

Генри отвернулся, сорвал с веточки набухший бутон шиповника и неловко покрутил в пальцах. За спиной зашуршал Сората и внезапно схватил Макалистера за плечо.

– Это еще что...

– Тише!

И тут Генри тоже услышал приближающиеся шаги и приглушенные голоса. Кто-то еще направлялся вверх по дорожке, и, кем бы он ни был, ему никак не миновать двух нарушителей, преступивших одно из правил академии – не покидать территорию «Дзюсан» без разрешения замдиректора. Генри не мог допустить, чтобы его поймали, ведь это серьезно осложнит поиски. Что думал Сората, спрашивать было некогда, и Генри силой втолкнул его в приоткрытую дверь маяка.

– Потрудитесь теперь объяснить, что это значит? – возмущенно, но не слишком громко потребовал Кимура, когда Генри задвинул засов с внутренней стороны. Убедился, что почти двухметровой толщины стены не пропустят наружу ни единого звука, и перевел дух.

– Вы хотите отчитываться перед Акихико? Я нет.

– Не хочу. Но у меня есть причина быть здесь. А у вас? – Сората гордо вскинул голову и в упор глядел на собеседника.

– И что же это за причина? – любопытствовал Генри.

– Доставку продуктов задержали, – с небольшой запинкой пояснил Кимура. – Я ответственный за кухню, как вы верно заметили, и должен разобраться с нарушением графика.

Вранье Генри научился распознавать, еще будучи простым патрульным. Так вот, Кимура лгал, неловко, неубедительно, будто сам стыдился того, что вынужден обманывать. Доставку не задержали, иначе Генри бы здесь не оказался. Он пристально взгляделся в решительные глаза Сораты и отступил.

– Что ж, ваше право. Предлагаю выждать время и по отдельности вернуться в академию.

Расспросов не последовало. То ли ложь выпила из Сораты все силы, то ли дела Генри его совершенно не волновали. Впрочем, любой из вариантов был Макалистеру на руку.

Минут пять-десять простояли в молчании, потом Сората вышел за дверь, и Генри сразу направился к лестнице.

Первый ярус башни занимала трансформаторная с дизель-генераторами, подающими энергию наверх, к линзе Френеля. К серой стене примыкала каменная лестница с перилами по одному краю. Ступени вели сквозь всю сорокаметровую башню по спирали, туда, где должна находиться комната смотрителя и его помощников, которых у нынешнего смотрителя не было. Поскольку в домике Генри постигла неудача, оставалось только подняться на маяк и поискать регистрационный журнал здесь, так что ситуация с Соратой сыграла в его пользу.

Генри начал утомительный подъем. Через равные промежутки горели слабые лампы, а сквозь маленькие смотровые окна пробивался тусклый свет тонущего в море солнца. На одном из пролетов Макалистер остановился. Возникло ничем не обоснованное чувство тревоги, однако гул грома, едва просачивающийся внутрь башни, легко его объяснил.

В наступившей за этим тишине послышался скрип двери внизу. Генри некуда было деться, разве что со всех ног бежать наверх и там спрятаться, но он остался на месте и увидел поднимающегося к нему Сорату.

– Какого черта вас опять сюда принесло? – разозлился Генри. Уже не в первый раз Кимура идет за ним, словно желая помешать, и это только усиливало подозрения.

– Возле выхода люди, – спокойно пояснил Сората, устало держась за перила. – Незамеченным мне не пройти, так что я решил выждать еще немного. А вы? Хотите взглянуть на комнату смотрителя?

Генри не собирался отвечать, но, похоже, с присутствием Сораты придется как-то мириться, и он нехотя сказал:

– Кажется, скоро начнется шторм. Чем быстрее я все осматрю, тем лучше.

Искомое помещение располагалось почти на самой вершине, над ней была только линза под куполообразной крышей. Комнатка выглядела обжитой, но не слишком уютной: ее обставляли кое-как, просто чтобы заполнить пространство и создать минимум условий для возможной ночевки. Деревянный стол посередине, коренастый и прочный, несколько стульев, придвинутых к нему, у одной из стен – открытый буфет с полками, заставленными консервами, а напротив примостилась узкая металлическая койка на пружинах, прикрытая шерстяным пледом из шотландки. Чуть в стороне, ближе к окну, стоял рабочий стол с телефоном и другой техникой, нужной для управления маяком. На крючках висели несколько не слишком чистых полотенец и парусиновая куртка с капюшоном.

– Вы бывали здесь раньше, Кимура? – Генри прошелся по комнате и выглянул в окно. – Я впервые на маяке, и он весьма... впечатляет. Эй, вы меня слушаете?

Сората молча устроился на койке, привалившись спиной к обитой деревянными панелями стене, и явно приготовился терпеливо ждать.

– Если вы снова собираетесь копаться в чужих вещах, – сказал он спокойно, – действуйте. Надвигается шторм, значит, вот-вот явится смотритель. Вы же не придумали, как объясните ему наше присутствие тут?

– Мы уйдем раньше, я уверен.

Он повернулся к Сорате спиной и принялся копаться в документации, не понимая и половины того, что читал, но знал одно – это все не то, что ему нужно. Список фамилий – уж это он бы точно не пропустил. Становилось холоднее, и ветер свистел за толстыми стенами. Буря накрывала остров вместе с вечерними сумерками.

Сората поднялся и зябко потер раненное в подземелье плечо.

– Пожалуй, я пойду. Не хочу вымокнуть по пути под дождем.

Генри был слишком погружен в себя, чтобы отреагировать, поэтому просто махнул рукой.

– Макалистер-сан. Вам тоже лучше уйти. Смотритель обязан в такую погоду зажигать маяк, так что...

– Я понял, – перебил Генри и закрыл очередной ящик. – Уходим.

Однако внизу их ждало неприятное открытие: как бы Генри ни напирал на дверь, она не сдвигалась.

– Что за черт? – Он отошел и растерянно посмотрел на Сорату. – Не могу открыть.

– Дайте мне попробовать.

Сората весил явно меньше, и Генри наблюдал, как тот безуспешно таранит заевшую тяжелую дверь. Ситуация вызывала даже не злость или страх, Генри она неожиданно развеселила. Их двоих будто забыли в школе и заперли до утра.

– Глупость какая-то, – пробормотал Сората. – Я не понимаю, как это произошло?

– Может, ее периодически клинит?

Сората посмотрел на него так, будто периодически клинит тут его.

– И как нам это поможет?

– Полагаю, никак, – ответил Генри. – И нам придется встретиться со зрителем, когда он придет. Ничего не поделаешь.

– Что ж, вы правы, ничего не поделаешь. – Сората посмотрел на часы. – Подождем его. Слышите, как свистит ветер? Должно быть, с моря остров уже не видно, и свет маяка нужен как никогда.

Они поднялись обратно и сели – Сората снова на кровать, а Генри на стул.

В молчании прошло минут сорок. Первым не выдержал Генри, уже примерзший к неудобному стулу.

– Кимура-сан, если мы никуда не торопимся, может, перекусим?

Сората неохотно открыл глаза

– Вижу, вам нейдет. Пропустили ужин и умираете с голоду?

В животе у Генри заурчало, и он сконфуженно накрыл его ладонью. Сората подошел к буфету, деловито закопошился на полках с продуктами и отобрал то, что можно было съесть без страха отравиться.

– Будете рисовую кашу с мясом? – Он с сомнением покрутил в руке банку. – Я бы не советовал, но выбора у вас нет.

– А вы не будете есть? Раз уж мы все равно собрались объедать зрителя. – Генри подумал о том, что Сорате не помешала бы двойная порция, но вслух этого говорить не стал.

– Я не голоден, – отрезал Сората и вонзил острие открывалки в банку. Жест получился довольно угрожающим, и Генри решил больше не настаивать на совместной трапезе.

Погода окончательно испортилась. В стекло забились тугие струи дождя, сопровождаемые приглушенным шумом ветра и раскатами грома, а здесь, внутри башни, создавалось впечатление абсолютной уединенности, отрезанности от остального мира. Генри прикрыл глаза, наслаждаясь тишиной, слушая, как Кимура постукивает ножом по доске, нарезаая хлеб. Пахло пылью, немного плесенью и хлебными крошками.

– Макалистер-сан?

Генри выпрямился и пододвинул к себе миску с холодной кашей. Выглядела она преотвратно и напрочь отбивала даже самый разыгравшийся аппетит. Генри неуверенно потыкал в густую массу вилкой и вздохнул.

– Если шторм не пройдет стороной, у нас будут большие проблемы, – сказал Сората серьезно. – Зритель задерживается, и некому зажечь маяк.

Словно в подтверждение самых печальных предположений, стекло тонко звякнуло под порывом ветра.

– Боюсь, он и не придет, – высказал Генри мучившую его мысль. – Если бы собирался, уже пришел бы.

– Сейчас мне кажется, я слышал его голос среди прочих, которые меня спугнули, – вспомнил Сората. – Эти люди куда-то собирались. Если так, то что же нам теперь делать?

Генри отставил толком не тронутую кашу, решил выглянуть наружу и потянул на себя дверь, ведущую на первую смотровую площадку. За ней все терялось в мутно-серой пелене дождя. Порывы ураганного ветра бросили в лицо горсть колючих ледяных капель, и Генри торопливо вернулся.

– Придется разбираться самим, – сказал он. – Один мой друг много рассказывал мне про маяк из своего детства. Думаю, нужно увеличить периодичность светового сигнала и включить сирену на всякий случай.

Кимура внимательно выслушал распоряжения.

– Поищем инструкцию или что-то вроде того. Она обязана быть.

– Телефон! – Генри ринулся к рабочему столу и достал из-под аппарата листок с отпечатанными на нем номерами. – Кому звонить? Береговой службе или Акихико Дайске?

Выбор был не из приятных, и при любом исходе оба нарушителя оказывались в дураках, и все же и тот, и другой понимали, что промедление в сложившейся ситуации опасно для проплывающих мимо судов. Генри сгреб трубку, но та не подавала никаких признаков жизни. Он выругался.

– Не расстраивайтесь, Макалистер-сан, – подбодрил Кимура. – Давайте вернемся к первоначальному плану.

Генри собрался. В некоторой степени ощущая себя ответственным за Сорату, он не мог сейчас опустить руки, тем более, когда рядом был человек, готовый ему довериться.

– Я вроде бы видел что-то такое, когда... – он замялся. – Ищите на столе, а я займусь ящиками.

Не слишком заботясь о соблюдении порядка, Генри сбрасывал на пол то, что ему не нужно. Смотритель хранил всякий хлам и бумажный мусор, от которого уже много лет не было никакого проку. Озвучив эту мысль вслух, Генри узнал, что нынешний хозяин маяка занимает свою должность всего полтора года или чуть больше. Пальцы Генри ловко пробежались по дну одного из ящиков, неосознанно проверяя на наличие тайника, и в момент, когда Сората радостно известил, что нашел искомое, Макалистер наткнулся на один из подобных тайничков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.